

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Кафедра английского языка

РЕКОМЕДОВАНО К ЗАЩИТЕ ГЭК
Заведующий кафедрой
канд. филол. наук

А.С. Остапенко
08 июня 2022 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЛИТИКА ОППОЗИЦИОНЕРА
(НА МАТЕРИАЛЕ БЛОГОСФЕРЫ)**

45.04.02 Лингвистика
Магистерская программа «Прикладная лингвистика»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной формы обучения

Аветисян
Арагат Варужанович

Научный руководитель
д-р филол. наук,
профессор

Белозерова
Наталья Николаевна

Рецензент
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры немецкой
филологии ФГАОУ ВО
«Тюменский государственный
университет»

Шапочкин
Дмитрий Владимирович

Тюмень
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ДИСКУРСА. ФУНКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	5
1.1. Анализ дискурса	5
1.1.1. Понятие дискурса	5
1.1.2. Дискурс-анализ. Модели и подходы	9
1.2. Политический дискурс	12
1.2.1. Политическая лингвистика	12
1.2.2. Понятие политического дискурса	13
1.2.3. Функции политического дискурса	15
1.2.4. Методология политического дискурс-анализа	18
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	22
ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	24
2.1. Стилистические свойства политического дискурса	24
2.2. Коммуникативные стратегии политического дискурса	26
2.3. Стилистические особенности политического дискурса	28
2.3.1. Метафора	30
2.3.2. Сравнение	32
2.3.3. Метонимия	33
2.3.4. Эпитет	34
2.3.5. Ирония и каламбур	35
2.3.6. Гипербола	36
2.3.7. Аллюзия	37
2.4. Лексические особенности политического дискурса	38
2.5. Грамматические особенности политического дискурса	42
2.5.1. Морфологические особенности	42
2.5.2. Синтаксические особенности	46
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	50
ГЛАВА 3. ЯЗЫКОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕЙ ПОЛИТИКА-ОППОЗИЦИОНЕРА	54
3.1. Описание корпуса исследования	54
3.2. Лексические особенности дискурса политика-оппозиционера	58
3.3. Грамматические особенности дискурса политика-оппозиционера	65
3.4. Стилистические особенности дискурса политика-оппозиционера	74
3.4.1. Метафора	75
3.4.2. Метонимия	80
3.4.3. Эпитет	81
3.4.4. Сравнение	83
3.4.5. Гипербола	85
3.4.6. Сарказм как вид комического	87
3.4.7. Аллюзия	88
3.4.8. Цитирование	89
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	91
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	95
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	98

ВВЕДЕНИЕ

Направлением данного исследования является теория дискурса, которая является междисциплинарной областью знания, в которой наряду с лингвистами участвуют социологи, психологи, специалисты по искусственному интеллекту, этнографы, литературоведы, стилисты и философы. Основной целью данного направления является попытка понять, как наша речь работает в тех или иных жизненных ситуациях, какие ментальные процессы происходят в эти моменты, и как всё это связано с психологическими и социокультурными факторами.

Тема исследования – «Языковая личность политика оппозиционера (на материале блогосферы)»

Гипотеза исследования заключается в том, что риторика публичных политических выступлений характеризуется предельной концентрацией вербальных форм репрезентации когнитивных стратегий в рамках словесной политической борьбы. Расширение масштаба дискурсивного влияния сопрягается с максимальным сокращением вербальной формы его репрезентации.

Материалом исследования стали публичные выступления российского политика-оппозиционера, опубликованные на его официальных страницах в социальных сетях, а также публичные выступления, опубликованные на различных интернет-ресурсах.

Методологической базой исследования являются основные положения теории политического дискурса (М. Фуко, Д. Менгено, А. Шарадо, А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, Е.И. Шейгал). Особую значимость для данной работы представляют труды, посвященные использованию дискурс-анализа как метода исследования в политической науке, таких авторов как Т. ван Дейк, Л. Филлипс и М. В. Йоргенсен, Н. Фэркло.

Актуальность темы данного исследования, ее научная и практическая значимость определили объект, предмет, цель и задачи настоящей работы.

Объект исследования – дискурсивные практики, реализуемые в процессе политической коммуникации, присущей определенной политической личности.

Предмет исследования – технологии дискурсивных практик в публичных выступлениях политиков.

Цель настоящей работы состоит в выявлении технологий дискурсивных практик в выступлениях российского политического деятеля. Публичная политическая речь

рассматривается нами как особый жанр дискурса, направленный на формирование в обществе определенного отношения к тем или иным явлениям политической жизни.

Для достижения поставленной цели мы определили следующие **задачи**:

1. рассмотреть основные подходы к понятию «дискурс», «политический дискурс», сформулированные учеными российской и зарубежных лингвистических школ;
2. выявить институциональные признаки политического дискурса, включая целевые установки, статусно-ролевые характеристики участников общения;
3. охарактеризовать дискурсивные практики, используемые в публичном выступлении;
4. определить технологии их реализации на лексическом, грамматическом, синтаксическом уровнях текста;
5. выявить приемы речевого воздействия в публичных выступлениях российского политического оппозиционера.

В качестве **методов** исследования используются общенаучные принципы сравнительного анализа, а также методы критического дискурс-анализа, элементы когнитивного картирования и контент-анализа, метод CQL запросов, метод выявления соответствий через корпусную систему Sketch Engine и AntConc.

Так как проблема, исследуемая в данной работе, носит прикладной характер, для ее всестороннего изучения, помимо теоретических положений, необходимы эмпирические данные. Эмпирическую базу исследования составили тексты выступлений политика-оппозиционера.

Работа состоит из трех глав, описывающих подробно феномен политической коммуникации. В первой главе приводится обзор трактовок термина «дискурс», рассматриваются общепринятые и перспективные модели дискурс-анализа. Вторая глава представляет собой анализ практических исследований различных исследователей, целью которых было выявить лингвистические особенности политического дискурса. Третья глава посвящена анализу речи современного российского политика-оппозиционера.

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ДИСКУРСА. ФУНКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1. Анализ дискурса

1.1.1. Понятие дискурса

Разграничение между интуитивными и принимаемыми на основе других доказательств истинами рассматривалось уже в античные времена Аристотелем и Платоном. С развитием науки в XVII–XVIII вв. многие ученые пытались разграничивать фундаментальные истины от дискурсивных. К примеру, Дж. Локк говорил о том, что фундаментальные истины познаются интуитивно, другие истины – посредством других идей, прибегая к последовательному доказательному рассуждению. Чем больше шагов в такой последовательности, тем точнее будет вывод из этого рассуждения [Локк, 1985: 212].

Однако новое понимание дискурса появилось в XX веке во французской философии постмодернизма и постструктурализма. В понимание дискурса привносятся новые элементы – духовный настрой и идеологические ориентации. Философы интересуются тем, как эти элементы выражены в логичных и связных текстах с учетом контекстов различного уровня (культурный, социально-психологический и др.). Так, дискурс трактуется как развиваемая в монологе языково-речевая конструкция, например, речь или текст.

Дискурс – термин, обозначенный различными определениями в различных науках – семиотике, философии, лингвистике, антропологии, литературоведении, социологии и т.д., предметом которых является углубленное изучение функционирования языка. Несмотря на большое количество трактовок понятия «дискурс», общепризнанного определения не существует, поскольку все случаи его употребления невозможно охватить одним конкретным понятием. В связи с этим нам кажется, что популярность данного явления в последнее время очевидна.

В толковом словаре Le Robert дискурс определяется как «совокупность высказываний в устной или письменной форме (в отличие от абстрактной системы, из которой состоит язык). [Le Robert, электронный ресурс].¹ Дискурс – конкретная реализация абстрактной системы языка.

Согласно П. Арно, под дискурсом следует понимать употребление языка в ситуациях практического общения, рассматриваемое как эффективный способ для

¹ Ensemble des énoncés, des messages parlés ou écrits (par opposition au système abstrait que constitue la langue) – перевод осуществлен мной.

производства различных актов – как речевых, так и внеязыковых [Arnaud, 1998: 10]. Из определений нам понятно, что дискурс – это особая репрезентация абстрактных понятий конкретными действиями.

Известный лингвист, Доминик Мангено подчеркивает, что дискурс может означать: 1) торжественные заявления («Президент выступил с речью»), 2) не вызывающая эффекта речь или 3) любое ограниченное употребление языка (например: политический дискурс, медийный дискурс, интернет-дискурс и т.д.). Это последнее употребление дискурса, по мнению Д. Менгено, весьма двусмысленно, поскольку оно может обозначать как систему, которая позволяет создавать совокупность текстов, так и саму совокупность текстов [Maingueneau, 1998: 37].

Для Дж.-М. Адама дискурс – это "высказывание, которое, безусловно, характеризуется текстовыми свойствами, прежде всего, речевыми актами, используемыми в ситуациях речевого общения» [Adam, 1990: 23]². Дискурс вбирает в себя элементы коммуникации (участников, место, время, цель коммуникации). Из данного определения становится понятно, что дискурс отражает концепцию "языкового поведения" как тип реализации речи в конкретной ситуации.

В лингвистике понятие "дискурс" широко используется под влиянием прагматического течения. Д. Мангено ссылается на дискурс как на способ восприятия речи в вербальном общении [Maingueneau, 1998: 39]. Таким образом, он описывает несколько основных черт дискурса, которые, как нам кажется, необходимы для изучения политической коммуникации:

1. Дискурс — это сложноорганизованная структура: структура слов находится на другом уровне, чем структура предложения. Дискурс подчиняется правилам организации речи, действующей в определенной социальной группе и затрагивающей структуру текста, длину высказывания и т. д.
2. Дискурс ориентирован: он развивается во времени в соответствии с целью говорящего. Линейность, характеризующая дискурс, проявляется в намеренном управлении говорящим своей речью посредством антиципации, возвращении к сказанному или комментирования по ходу речи. Характер линейности зависит от типа высказывания: монологического или диалогического (например, фразы, прерывающие фразы собеседника или ускользающие от говорящего слова).
3. Дискурс - форма действия, так как любое высказывание представляет собой речевой акт, направленный на изменение ситуации (обещание, предложение,

² Un discours est un énoncé caractérisable certes par des propriétés textuelles, mais surtout comme un acte de discours accompli dans une situation. – перевод осуществлен мной.

утверждение, опрос и т. д.). Речевые акты вписываются в определенные жанры речи (медицинская консультация, выпуск новостей, листовка и т. д.), которые направлены на воздействие адресатов.

4. Дискурс интерактивен: любая коммуникация предполагает словесный обмен между двумя субъектами в форме устного или письменного взаимодействия. Д. Мангено разграничивает фундаментальную интерактивностью дискурса и устное взаимодействие, которые предполагают наличие другого эталона высказывания, к которому обращается говорящий и по отношению, к которому он строит свою собственную речь [Maingueneau, 1998: 39-40].
5. Дискурс контекстуален: нельзя приписывать смысл речи вне контекста. Одно и то же высказывание, произнесенное в двух разных ситуациях, может относиться к разным видам дискурса. Кроме того, дискурс способен своими средствами устанавливать контекст сам и даже менять его (например, говорящий может вести дружеский разговор со своим собеседником, а в другом месте один и тот же говорящий будет иметь другой статус, например врача или учителя, и начнет другой разговор с одним и тем же собеседником типа врач / пациент или учитель / ученик).
6. Дискурс субъективен: говорящий субъект «я» берет на себя ответственность за свою речь и выбирает нужную позицию. К примеру, если говорящий утверждает, что "идет дождь", то это означает, что он наполняет содержание дискурса. Тем не менее, он может изменить степень своей приверженности и добавить некоторые языковые элементы, которые будут выражать различные эмоции, сомнения, отсылаться на речь других, конкретизировать свое собственное высказывание.
7. Дискурс нормативен: каждый речевой акт регулируется конкретными нормами, которые оправдывают его изложение.
8. Дискурс входит в понятие интердискурса: каждая речь вписывается в жанр, который по-своему управляет множественными междискурсивными отношениями.

Н. Фейнклаф и Р. Водак согласны с положениями А. Менгено. Они анализируют дискурс с точки зрения специфической формы производства знаний [Fairclough, Wodak, 1997:261]. Следовательно, мы можем сказать, что дискурс является комплексным языковым феноменом, пользующимся инструментарием языковой системы для создания различного рода коммуникации и учитывающим различные экстралингвистические факторы такие как условия коммуникации, контекст, жанровость текстов, намерения говорящих, и т.д.

А.К. Хурматуллин выделяет различные подходы к определению дискурса:

1. Коммуникативный подход, в котором дискурс рассматривается как вербальное общение, это явление представляет собой «некую знаковую структуру, имеющую субъект, объект, место, время, обстоятельства создания (производства) речи» [Карасик, 1999: 5];
2. Структурно-синтаксический подход, в котором дискурс – фрагмент текста, то есть образование выше уровня предложения (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац). Основной признак дискурса при структурно-синтаксическом подходе – связность высказываний.
3. Структурно-стилистический подход рассматривает дискурс как нетекстовая организация разговорной речи, характеризующаяся нечётким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью, ситуативностью, высокой контекстностью, стилистической спецификой.
4. Социально-прагматический подход определяет дискурс как текст, погружённый в ситуацию общения, как социальный или идеологически ограниченный тип высказываний, представленных в виде особой социальной данности, имеющей свои тексты.

Данная классификация не сильно разнится с классификацией А. Менгено, однако А.К. Хурматуллин определяет новые свойства дискурса (нечеткое деление элементов смысла, ассоциативность мышления, спонтанность [Хурматуллин, 2009: 33]. Стоит отметить, что природа дискурса многогранна. Он обращен одновременно и к прагматике; и к процессам, происходящим в сознании говорящих, и к характеристикам их сознания; и к собственно тексту.

Помимо прочего, задачей многих исследователей о дискурсе состояла в том, чтобы разграничить понятия дискурс и текст, выявить их элементы. Так, Э. Руле считает использование термина «текст» неудачным, поскольку он сильно маркирован межфразовыми коннотациями. Текст имплицитно располагается в парадигме определенных категорий практического значения – слов и предложений [Roulet, 1991: 123].

Также Э. Руле считал, что понятие дискурса более правильное, так как дискурс имеет следующие преимущества: 1) нейтрализация только письменной речи, 2) маркированность грамматических и прагматических уровней, 3) минимальная единица смысла, встроенная не в линейный порядок предложения, а в речевой акт [Roulet, 1991: 123].

Таким образом, рассмотрев различные трактовки понятия дискурса, мы полагаем, что в современной лингвистике данный термин смежен понятию «текст», однако в отличие от текста обладает динамическим, разворачивающимся во времени характером языкового общения. Текст, в свою очередь, рассматривается преимущественно как статический объект, некий результат языковой деятельности. Некоторые исследователи определяют дискурс одновременно как динамический процесс речевой деятельности, вписанной в контекст и как ее результат (то есть текст). Как нам кажется, такой подход к понятию дискурса коррелирует с общими классификациями, представленными в данной главе. В нашей работе под дискурсом понимается совокупность речевых актов, воспроизведенных в условиях политического контекста.

1.1.2. Дискурс-анализ. Модели и подходы.

Дискурс-анализ – это дисциплина, впервые описанная американским структуралистом Зеллигом Харрисом в 1952 году в статье «Анализ дискурса», в которой лингвист пытался выявить лексические единицы, дающие понять концепцию текста и позицию, выраженную в нем. Проще говоря, дискурс-анализ изучает условия порождения и содержание дискурса. Эти положения дали почву для исследований в различных областях – лингвистике, психоаналитике, психологии, политике и т.д.

Традиционно лингвисты анализировали лишь институциональный и идеологический дискурс, однако фокус внимания с течением времени увеличивается новыми дискурсивными практиками, рассматриваются новые типы дискурса (разговорный дискурс, интернет-дискурс, медиа-дискурс и т.д.) [Charadeau, Maingueneau, 2002: 177].

Анализ дискурса – это метод исследования в области социальных наук, предметом изучения которого является анализ содержания письменного или устного текста или речи. Этот метод всегда пытается заставить нас понять содержание речи, а также доказать нам существующую реальность в содержании речи. Анализ означает понимание или замечание того, что скрывается в содержании речи, поэтому анализ речи позволяет нам четко воспринимать сообщение в речи. Вот почему дискурс всегда содержит коды, будь то лингвистические или литературные, а также содержит контексты, скрытые за философией говорящего.

В современном языкознании выделяются три традиционные версии дискурс-анализа, от которых возможно развить различные траектории дискурс-анализа. «Концепция М. Фуко основывается на постулате о том, что дискурс – это идеологически обусловленный стиль/способ «говорения»; концепция Т.А. ван Дейка – на том, что

дискурс – структурирующий принцип любого коммуникативного взаимодействия; концепция Р. Барта называет дискурс наиболее семиологичным, выступая в качестве своеобразного синонима мифа. Все версии исходят из того, что дискурс порождается ситуативным социальным конструированием реальности посредством разнообразных языковых и внеязыковых средств» [Cheek, 2004].

Дискурс-анализ М. Фуко получил научное признание в связи с тем, что задает четыре определенных измерения дискурса, или «дискурсивные формации» – это объекты, модальность, концепты и тематическое единство. Дискурс-анализ заключается в проведении оценки возможности появления определенных элементов высказывания в совокупности высказываний особой модальности, которые формулируются субъектами в соответствии с ситуациями социального взаимодействия и с учетом выбора релевантных тем. Также, Фуко подчеркивает, что дискурс выступает как «способ подчинения и контроля за счет внешних процедур исключения (запреты, критические оценки и пр.) и внутренних процедур классификации и упорядочивания (комментарии, правила «говорения» и пр.)» [Фуко, 1996: 52, 65].

Однако, Фуко уделяет большое внимание понятиям «значение» и «текст» и не учитывает не дискурсивные аспекты действительности, которые способны конструировать социальную реальность в речевой коммуникации. К тому же исследователь не допускает способность субъектов речи к манипулированию дискурсами в своих интересах, так же, как и отрицает структурное изменение властных отношений и их ситуативный контекст [Reed, 2000: 525-527].

Модель дискурс-анализа Т.А. ван Дейк основывается на личностной картине мира говорящего, которая формирует ситуативную модель с вариативным содержанием, что позволяет нам «считывать» и понимать очень разные «тексты». Принцип состоит в «вычленении из коммуникативных практик смысловых блоков (стереотипных тематических репертуаров, определяющих коммуникативную ситуацию, социально-демографические и ролевые характеристики говорящих), соответствующих разработанной исследователем ситуационной модели, затем их сравнение и обобщение в систему категорий, которые позволяют идентифицировать идеологическую позицию автора текстов и навязываемое им читателям «определение ситуации» (ван Дейк, 1989, 45-60).

Дискурс-анализ Р. Барта отталкивается от понятия мифа («все, что покрывается дискурсом и имеет адресный характер») [Барт, 2000: 234]. Дискурс-анализ как семиологическая процедура призван распознавать (чтение) и дешифровать (декодирование) мифы, показывая функциональные зависимости означающего и

означаемого, которые гарантируют знаку постоянство формы в разных вариантах реализации. [Барт, 2000: 247-281]: любое содержание речи подстраивается под определенный социокультурный сценарий/; эта деформация отражает намерения автора и его попытки убедить читателя/слушателя в правильности навязываемой им интерпретации имплицитно.

Помимо представленных концепций, существуют типы дискурс-анализа, основанные на критериях соотношения текстовых и социальных практик, теории и метода, аналитики и критики [Филлипс, Йоргенсен, 2008]: постструктуралистская теория дискурса, дискурсивная психология и критический дискурс-анализ. Создателями постструктуралистской теории дискурса считаются Э. Лаклау и Ш. Муфф, для которых дискурс выступает как конституирующий социальный мир с помощью набора значений, но любой дискурс не завершён в связи с нестабильностью этой системы. Поэтому дискурс способен формировать правила конструирования языковых практик других дискурсов. Задача дискурс-анализа – описать процессы создания и закрепления значений, посредством которых конституируется социальная реальность.

Дискурсивная психология анализирует особенности использования языка в социальном взаимодействии, особенно устойчивые риторические приемы. Задача дискурс-анализа – оценить, как сочетаются элементы различных дискурсов для воспроизводства социокультурного контекста, и каковы их социальные последствия. Дискурс в данном аналитическом направлении фокусируется на трех категориях [Макаров, 2003: 80-81]: действие (речевое и социальное одновременно), (по)строение устного дискурса или письменного текста (языковые явления) и вариативность (социальной действительности и практик коммуникативного взаимодействия).

Н. Фэйркло разработал критический дискурс-анализ, в котором дискурс также рассматривается как конструкт социального мира. Однако, в отличие от постструктуралистской теории, критический дискурс-анализ четко разводит дискурс (речевой аспект социальной действительности) и не-дискурс (реальный социальный и культурный мир). В критическом дискурс-анализе социальный контекст подчинен языковому контексту, который ограничивает первый своими языковыми условностями и доступными ему интеллектуальными ресурсами» [Бёдекер, 2010: 8-13].

Данный тип анализа дискурса многогранен, так как говорящие не только структурируют языковые средства для описания социального контекста, но и активно их реконструируют. Объектом дискурса может быть коммуникативное событие и(ли) конфигурация всех типов коммуникации, свойственных социальному институту или области общественной жизни. Иначе говоря, критический дискурс-анализ исследует

содержание и характеристики коммуникативных практик в социальном взаимодействии.

Таким образом, в рамках дискурс-анализа мы попытаемся обнаружить в текстах «свидетельства» приверженности их авторов определенному дискурсу, установив языковые особенности, влияющие на формирование дискурса.

1.2. Политический дискурс

1.2.1. Политическая лингвистика

В современном мире политическая лингвистика получила бурное развитие и считается сегодня весьма перспективным лингвистическим направлением. Наименование направления указывает на предмет исследования, которым считается исследование политической коммуникации, направленной на эмоциональное воздействие на граждан страны, на побуждение их к политическим действиям, на выработку общественного мнения. При этом цель политической лингвистики – «исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества» [Чудинов, 2006: 6].

По своему определению, политическая лингвистика считается весьма развивающимся направлением в структуре языкознания современности. Прежде всего, этот факт объясняется тем, что политические события, отражаясь на жизни граждан, входят в социальную сферу знания. Следовательно, в данном случае можно говорить о культурологической обусловленности всех речевых высказываний имеют конкретную обусловленность культурного характера. То есть высказывания всегда связаны с конкретными интересами и характеристиками социума, его запросами и потребностями. [Веремейко, 2012: 66].

Отличительной чертой политической лингвистики, определенно, является ее междисциплинарная направленность, предопределяемая ее предметом. Так, становление политической лингвистики как отдельной области лингвистики происходило на стыке разных научных областей, среди которых особое внимание заслуживают политология, психология, языкознание и прочие науки гуманитарного характера. «Интерпретация языковых данных в таком виде деятельности, как политика требует междисциплинарного подхода – органической включенности информации из смежных наук в инструментарий анализа. Междисциплинарность не просто расширяет представление об объекте исследования, но и меняет предмет наблюдения, его местонахождение в пространстве гуманитарного научного знания и границы

интерпретации» [Синельникова, 2009: 42]. Соответственно, расширяется перечень наук, задействованных в исследовании: риторика, коммуникативистика, культурология, социология, социолингвистика, этнография, политическая психология.

«Расширяется сфера применения результатов анализа политической коммуникации: журналистика, юриспруденция, межкультурная коммуникация, переводческая деятельность, связи с общественностью (политический менеджмент), конфликтология. В каждой из этих сфер обнаруживаются специфические признаки политической коммуникации» [Синельникова, 2009: 42].

Хоть и междисциплинарный принцип довольно важен для проведения исследований в области политической лингвистики, лингвистический фактор признается определяющим. «Именно лингвисты, реализуя принцип экспланаторности (совмещения описания языковых фактов и их объяснения на основе данных других наук), могут ответить на многие интересующие современное общество вопросы: как вербализуются тоталитарные или демократические идеологические установки, с помощью каких приёмов (риторических, нейролингвистических) пропагандируются и внедряются в сознание граждан политические идеи, как устроены политические транзакции, проявляющие суггестивные, манипулятивные, номинативные, фатические, аттрактивные функции языка, и мн. др.» [Синельникова, 2009: 44].

Таким образом, политическая лингвистика, имея широкие возможности для привлечения экстралингвистического материала, безусловно, остается в рамках лингвистических исследований.

1.2.2. Понятие политического дискурса

Несмотря на довольно обширное количество трактовок термина «дискурс», многие из них схожи и дополняют друг друга. Соответственно можно сделать вывод о том, что «в зависимости от исследовательских задач дискурс в одном случае обозначает отдельное конкретное коммуникативное событие, в другом – подразумевает коммуникативное событие как интегративную совокупность определенных коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов» [Чернявская, 2006: 78].

Согласно определению Г. В. Пушкаревой, «политический дискурс есть не только транслируемая в процессе общения информация. Он сам по себе содержит намеки и указания на то, как эта информация должна быть воспринята и понята.»

Также, исследователь предлагает типологию политического дискурса, выделяя следующие его виды:

1) теоретический (сообщения, в которых интерпретируются содержание политических понятий, факторы политических процессов, способы их функционирования);

2) ценностно-нормативный (социально распространенные мнения, суждения о значимости тех или иных политических процессов или событий);

3) практический (реакция на политические события, на действия других людей), дающая социуму возможность представления о политических действиях и влияния их на развитие жизни общества [Пушкарева, 2013: 90-100].

Данная типология политического дискурса, как нам представляется, расширяет сферу применения данного поля знания, так как позволяет охарактеризовать его с различных точек зрения путем создания нового эффекта на слушателей в речевых ситуациях, относящихся к политике.

Систематизируя подходы к определению дискурса Е. И. Шейгал, А. П. Чудинова и Э.В. Будаева, исследователь Б.М. Шакова выделяет несколько подходов к исследованию политического дискурса:

1. узкий (анализ текстов политических деятелей) и широкий (анализ текстов политической тематики) подходы;
1. полевой (объектом исследования здесь становятся стенограммы, публичные выступления и интервью политических лидеров, а также тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством СМИ);
2. сопоставительный (выявляет национальные особенности в восприятии языка политической действительности);
3. когнитивный (политические концепты, фреймы, речевые акты и тактики речевого поведения подвергаются изучению);
4. дескриптивный (выявление языковых средств и способов манипуляции);
5. критический (анализ способов осуществления социального неравенства, которое выражается в языке или дискурсе);
6. риторический (единицы языка рассматриваются как средства передачи мысли).

Как отмечает автор, «подходы не противоречат друг другу и часто используются комплексно, создавая условия для многоаспектного исследования политического

дискурса» [Шакова, 2013: 95-97]. В данной работе анализу будут подвергаться речевые тактики и лингвистические средства, используемые российскими политиками-оппозиционерами, в которых находит отражение связь политического дискурса и социальной практики. Поэтому нами будут использованы когнитивный, дескриптивный и критический подходы к исследованию политического дискурса.

Что же касается политического дискурса, то его популярность обусловлена тем, что основной его целью является рассмотрение одной из важнейших сфер человеческой деятельности – политики, которая предполагает различные аспекты, формирующие сложную структуру взаимоотношений и взаимозависимостей. Вместе эти аспекты составляют неотъемлемую часть жизни общества и усложняют исследования в рамках политической лингвистики. Считается, что политическая коммуникация осуществляется на особом варианте языка, который вполне возможно выделить как отдельный, политический язык. Другие исследователи, наоборот, придерживаются мнения, что политическая коммуникация не выходит за рамки норм языка как такового и осуществляется посредством родного языка. Следовательно, выделение политического языка в отдельную подсистему не имеет под собой основания.

По этому вопросу А.П. Чудинов справедливо замечает, что «термин «политический язык» имеет право на существование, поскольку термины «разговорный язык», «научный язык» имеют не больше особенностей, чем язык политический, тем не менее, они существуют. Поэтому «политический язык – это ориентированный на сферу политики вариант национального языка» [Чудинов, 2006: 32].

Соглашаясь с данной точкой зрения, Е.И. Шейгал к формуле «дискурс=текст+контекст» добавляет элемент «подъязык». Итоговая формула выглядит следующим образом: «политический дискурс = подъязык + текст + контекст» - и отражает суть понятия «политический дискурс» [Шейгал 2000: 10].

1.2.3. Функции политического дискурса

По мнению М. Макарова, дискурс – «система знаков, которая используется людьми для достижения определённых целей в ситуациях речевого общения» [Макаров, 1998: 21]. Для того, чтобы исследовать систему и функционирование языка и выявить соответствия между ними, нужно в первую очередь определить функции конкретного дискурса.

Исследователи предлагали различные классификации, выявляющие функции политического дискурса. Так, Е.И. Шейгал выделяет пять основных функций политического дискурса: 1) интеграция и дифференциация групповых участников

политического процесса; 2) атональность и гармонизация отношений участников политического процесса; 3) акциональная функция; 4) функция интерпретации (создание «языковой реальности» поля политики); 5) контролирующая и регулятивная функции (манипуляция сознанием и контроль за действиями политиков и электората) [Шейгал, 2000: 11].

Австрийский лингвист Р. Водак, в свою очередь, предлагает выделить следующие функции: 1) персуазивная; 2) информативная; 3) аргументативная; 4) персуазивно-функциональная; 5) делимитативная; 6) групповыделительная.

Кроме того, исследователь отмечает, что «политический язык должен выполнять противоречивые функции, в частности быть доступным для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам)» [Водак, 1997: 43-47].

По мнению Ж.-М. Випрея, политическому дискурсу характерны оценочность и отстаивание определенной точки зрения (аргументативность). Следовательно, воздействие на слушателей и управление их восприятие социальной реальности – основная функция политического дискурса [Schepens, 2006: 169].

П. Чилтон и К. Шеффнер в своих трудах выделяют четыре стратегические функции политического дискурса:

1. Принуждение (распоряжения, правила, регламенты, законы). Многие политики принуждают слушателей к чему-либо при помощи политического дискурса. Обычно это отражается в правильности выбранных тем в рамках предвыборной политической коммуникации.
2. Протест (постеры, СМИ, петиции, слоганы). Внушение происходит на уровне «свой-чужой», слушатели убеждаются в том, что какая-то сторона вопроса в корне неверная. Обычно проявляется в оппозиционных речах.
3. Симуляция (контроль над информацией). Эта функция заключается в том, что нежеланные исходные данные заменяются нейтральными по смыслу и эмоциональной окраске.
4. Легитимизация/делегитимизация. В то время как легитимизация проявляется в положительной презентации, идеологическом представлении, аргументаций действий и намерений, а делегитимизация – в выставлении оппонентов в негативном ключе [Chilton, Schaeffner, 1997].

Описывая особенности политического дискурса, Е. Шейгал чуть позже предложит другую парадигму функций дискурса, в которую входят восемь основных

характеристик политического языка, способствующих созданию политической коммуникации:

1. Социальный контроль (некоторая манипуляция социальным сознанием, выраженная в моделях поведения и несущая идеологический характер);
2. Легитимизация власти (оправдание любых действий властей);
3. Воспроизводство власти (укрепление политической позиции посредством символов и ритуалов);
4. Ориентация (выражение четкого образа реалий современного мира путем четкой постановки проблем и задач);
5. Социальная солидарность (объединение социальных групп или общества в единое целое);
6. Социальная дифференциация (обособленность различных социальных групп);
7. Агональная функция (явное выражение неодобрения к действиям власти и побуждение к социальному конфликту);
8. Акциональная функция (скрытие невыгодной для политика информации, часто дискредитируемого характера) [Шейгал, 2001:36].

Таким образом, можно сделать вывод, что задачей всех инструментальных функций политического дискурса – это вызывать у людей определённую реакцию, навязывать политическую позицию, побуждать граждан к политически активным действиям, порождать эмоции у тех, на кого направлено влияние.

Однако, существуют и другие подходы к определению функций дискурса. К примеру, Д. Грейбер классифицирует их следующим образом:

1. Функция распространения информации. Она применяется для того, чтобы создать ложное представление об определённых явлениях в сознании граждан. Довольно часто в политических речах присутствуют элементы эксплицитного и имплицитного содержания.
2. Установка темы. Главная задача данной функции – распространение информации и устранение негативной информации, влияющей на политическую деятельность политиков.
3. Аргументативная функция. Она выражается в постоянных отсылках на прошлые негативные события и в метких высказываниях относительно будущих потенциальных исходов политических событий и(ли) процессов [Graber, 1981: 196-225].

В данной классификации мы снова можем заметить, что основой всех функций политического дискурса является побуждение к определенным действиям путем

сокрытия нежелательной информации, прогнозирования будущих политических процессов, критики негативного политического общества в прошлом.

Ко всем вышеизложенным классификациям нам кажется логичным добавить и позицию Б.Ю. Нормана, согласно которой политический дискурс обладает также креативной функцией. Исследователь полагает, что креативная функция основана на субъективном восприятии действительности, которое тесно связано со смысловым искажением тех или иных политических событий и фактов. Это объясняется тем, что субъективное мнение напрямую зависит от когнитивных знаний [Норман, 1997].

Из всего вышесказанного становится очевидно, что политический дискурс одновременно дифференцирует участников политического процесса (политические лидеры, депутаты, электорат и т.д.) и интегрирует их в политический процесс. В зависимости от коммуникативной направленности риторики изменяется степень гармоничности или атональности отношений внутри дискурса. Подчеркивается также коммуникативная направленность дискурса, поскольку любое действие совершается посредством коммуникации.

Исследователями особенно отмечается воздействующая составляющая политического дискурса. При этом «воздействие» понимается как социально-психологическая активность, «направленная на людей и их группы с целью изменения психологических характеристик личности, групповых норм, общественного мнения, настроений и переживаний» [Крысько, 2006: 325].

Таким образом, политический дискурс – это особая разновидность дискурса, изучающая политическую сферу общества и рассматривающая политическую коммуникацию как с лингвистической, так и прагматической точки зрения.

Политический дискурс, актуализируя язык, воспроизводит власть, изменяет и поддерживает отношения подчинения/доминирования в обществе, далее мы рассмотрим те дискурсивные практики и речевые технологии, которые помогают политикам выстроить наиболее удачную политическую коммуникацию, оказывая воздействие на аудиторию и управляя восприятием действительности.

1.2.4. Методология политического дискурс-анализа

Принимая во внимание рассмотренные ранее теоретические положения, мы можем определить многогранность дискурса, который не только отображает представление людей об окружающей действительности, но и создает символическую реальность. Взаимодействуя друг с другом, различные виды дискурса вызывают социальные и политические изменения, а это означает, что профессионалы будут

проявлять особый интерес к процессам управления коммуникациями и прогнозирования общественного мнения [Филипс, Йоргенсен, 2008: 352]. В связи с этим методы исследования в политической науке чрезвычайно важны и сложны, и, прежде всего, должны основываться на целях исследования.

Основными методами исследований, связанных с изучением политической коммуникации, принято считать количественный и качественный методы анализа, которые в основном применяются одновременно, поскольку качественный метод необходим для интерпретации данных, полученных количественным методом.

Однако, как отмечает А. Е. Тетерин, «количественный подход, эффективный для изучения довольно стабильных феноменов, не решает задачу анализа принципиально новых, становящихся качеств реальности» [Тетерин, 2011: 146]. Поскольку для политической реальности характерна динамичность, наиболее эффективными методами ее изучения будут качественные методы. В связи с этим, в ходе нашего исследования мы предполагаем, что дискурс-анализ как один из методов исследований в науке о политике является достаточно востребованным, так как это связано с тем, что накоплено достаточное количество теоретического и практического опыта в этой области, и исследователи выдвигают положение о зарождении новой научной дисциплины – политической дискурсологии [Русакова, 2006: 26].

В последние десятилетия появилось множество подходов, предлагающих собственные теоретические модели дискурса и дискурс-анализа, и появилась потребность во всестороннем понимании данных моделей и их интеграции в универсальную теорию.

По мнению М. В. Йоргенсена и Л. Дж. Филлипса, классификация теорий дискурса построена на основе «трех теоретико-методологических подходов, которые, относятся к общей междисциплинарной области – социально-конструкционистскому дискурс-анализу: теории дискурса Лакло и Муфф, критического дискурс-анализа, дискурсивной психологии» [Филипс, Йоргенсен, 2008: 327]. В основе данных подходов лежит представление о том, что наш способ общения не только отражает окружающую действительность, личностную картину мира и социальные взаимоотношения, но и играет активную роль в создании и изменении этой действительности. Помимо прочего, их объединяет также общее происхождение: истоками их стали структуралистские и постструктуралистские интерпретации языка как силы, формирующей мировоззрение.

Раскрывая черты социального конструкционизма, объединяющего все три теории дискурса, авторы приводят также и отличительные черты данных подходов – «наличие собственных философских и теоретических предпосылок, которые включают

понимание дискурса, социальной практики и общественной критики, и которые влияют на цели, методы и акценты в эмпирических исследованиях» [Филипс, Йоргенсен, 2008:16].

Теория дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф основана на том факте, что дискурсы постоянно находятся в конкуренции для того, чтобы придавать определенные значения окружающему миру, а исследователи интерпретируют дискурс как открытую структуру, которая характеризуется множеством таких вариантов значений. Личность является носителем определенной идентичности и как субъект помещена авторами внутрь дискурса. Когда происходит столкновение между людьми (группами), идентичности также неизбежно сталкиваются.

Дискурсивная борьба таких идентичностей может порождать социальные антагонизмы, поскольку в ее основе всегда присутствует понятие «другие». Именно поэтому в теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф политика рассматривается как борьба между дискурсами [Филипс, Йоргенсен, 2008: 21].

Критический дискурс-анализ представляет собой метод исследований, выявляющий связи между дискурсом и социокультурными явлениями. Основным субъектом критического дискурс-анализа являются проблемы использования речевых актов для достижения политических интенций. Так, исследователи О. Ф. Русакова и Е. В. Ишменев рассматривали предпосылки возникновения и основные теоретико-методологические установки критического дискурс-анализа. Основываясь на проведенном анализе, они предложили выделить следующие виды анализа внутри этого направления:

- французский дискурс-анализ (М. Пешо, П. Серио, Э. П. Орланди, Ж.-Ж. Куртин, Д. Мальдидье);
- критическая лингвистика (Р. Фаулер, Б. Ходж);
- социальная семиотика (Г. Кресс, В. Лиуэн, Л. Чоулиораки);
- социокультурный дискурс-анализ (Н. Фэркло, Р. Водак);
- социокогнитивный дискурс-анализ (Т. ван Дейк) [Русакова, Ишменев, 2006: 42].

Социолингвист Н. Фэркло полагает, что целью критического дискурс-анализа является «выявление связи между использованием языка и неравными отношениями власти». Таким образом, общей предпосылкой для указанных выше направлений можно считать то, что в работах исследователей выдвигается проблема использования языка в качестве инструмента контроля и власти политическими деятелями над социумом.

Политический дискурс – ресурс для поддержания отношений подчинения между властью и обществом, поэтому «критический дискурс-анализ является «критическим»

поскольку направлен на выявление роли дискурсивной практики в поддержании социального устройства, включая социальные отношения с неравным распределением власти» [Филипс, Йоргенсен, 2008: 115].

Несмотря на то, что при помощи критического дискурс-анализа исследователи изучают коммуникативное событие с точки зрения текста, дискурсивной практики и социального опыта и контекста, данный метод вызывает определенную долю критики, которая сводится к основному тезису о «презумпции виновности текста» [Трахтенберг 2006: 61]. Суть данного замечания заключается в том, что критический дискурс-анализ априори основывается на постулате о том, что всякий текст имеет идеологическую нагрузку, а следовательно, устанавливает отношения доминирования/подчинения. Однако у данного метода есть и очевидные преимущества: в отличие, например, от теории дискурса Лакло и Муфф, критический дискурс-анализ включает в свой методологический арсенал текстовый лингвистический анализ языка.

Третий подход в социально-конструкционистской теории дискурса – дискурсивная психология, в которой особое внимание уделяется анализу контекстуального общения (дискурс рассматривается как ситуативное использование языка и речи в повседневной практике общения). Данное положение, как нам представляется, отчасти связано с трехмерной моделью Фэркло, которая сосредотачивается в том числе и на анализе социальной практики.

Объектами изучения дискурсивной психологии являются установки и намерения участников общения, а также порождаемые ими групповые конфликты. «Политический деятель всегда вынужден выбирать между приемлемым речевым поведением, а табуированные тактики политической коммуникации держать в подсознании. В данном случае язык не только отражает определённый опыт, но и субъективную психологическую реальность говорящего» [Филипс, Йоргенсен, 2008:174].

Основываясь на интеграции элементов вышеуказанных подходов, М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс предлагают собственную теоретическую модель дискурс-анализа, подразумевающую комбинированный подход, так как дискурс-анализу «следует сосредоточиться на том, как создаются «эффекты истинности» в дискурсах» [Филипс, Йоргенсен, 2008:33]. Помимо подходов к проведению дискурс-анализа, перед учеными возникла также проблема поиска единицы дискурс-анализа. Так, Д. Кристал считает, минимальной единицей дискурс-анализа текст, поскольку определяет его как протяженный осмысленный отрезок языка размером более предложения [Crystal, 2008: 148].

Т. Ван Дейк же делает акцент на изучении структур текста. Семантические элементы текста Ван Дейк называет микроструктурами, в которых следует анализировать значения слов, предложений и взаимосвязь между ними, а также стилистику и риторику значений [Dijk, 1999: 32–37]. Следовательно, формулировки предоставления информации являются архиважными, так как «...методы дискурс-анализа, направленные на «выуживание» скрытой информации, стоящей за тем или иным текстом, раскрывают истинные мотивы и интенции адресантов дискурса» [Негров, 2009: 108] помогают понять изначальный смысл и цель текста, определить набор идей и символов, при помощи которых автор формирует общественное мнение по определенной проблеме окружающей действительности.

В качестве методологии данного исследования мы используем элементы критического дискурс-анализа, включающие в себя коммуникативный аспект, столь важный при анализе современной политической сферы. Данный метод отражает, как язык, политическая и социальная практика взаимно влияют друг на друга. Нас, прежде всего, интересует, как дискурсивные практики активизируются в политическом тексте, за счет каких приемов достигается его коммуникативное воздействие.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Итак, в первой главе были изложены положения, позволяющие определить понятие дискурса как направления, в рамках которого проводилось в дальнейшем практическое исследование. Проанализировав работы отечественных и зарубежных лингвистов, мы выявили, что понятие «дискурс» трактуется по-разному. Несмотря на то, что большое количество определений сопоставляют дискурс со смежным понятием «текст», в ряде работ дискурс рассматривается как совокупность языковых и внеязыковых элементов, формирующих определенное поле экстралингвистической деятельности. В отличие от текста дискурс обладает коммуникативной направленностью (Мангено, Адам, Арно и др.) и учитывает условия коммуникации (время, место, цель, аудитория, контекст, жанровость текстов, намерения говорящих и т.д.), благодаря которым политик способен изменить коммуникативную ситуацию. Также, в ходе нашего исследования мы выявили, что для определения дискурса использовались в основном коммуникативный и социально-прагматический подходы (А.К. Хурматуллин). В результате анализа понятий термина «дискурс», в нашем исследовании дискурсом – это совокупность коммуникативно-речевых актов, воспроизведенных в конкретных условиях коммуникации.

Далее мы рассмотрели существующие модели дискурс-анализа, предметом изучения которых является содержание письменного или устного текста. На основе изученных работ мы смогли выявить три основные модели дискурс-анализа, которые основываются на коммуникативной направленности дискурса. Модель анализа М. Фуко рассматривает соответствующие коммуникативной ситуации и релевантности тем субъективные языковые проявления из общего числа возможных высказываний языка. Однако данная модель не учитывает возможности субъектов манипулировать дискурсом в определенных интересах и не рассматривает контекст. Модель дискурс-анализа Т.А. ван Дейка основывается на вычленении из текстов смысловых единств, определяющих идеологическую позицию автора текстов и оказывающих воздействие на слушателя. Дискурс-анализ Р. Барта основывается на расшифровке «мифов», которые выражают функциональные зависимости означающего и означаемого и обеспечивают содержание речи выраженной имплицитно позиции автора дискурса, которая в дальнейшем применяется для убеждения и(ли) переубеждения слушателя. Помимо классических версий дискурс-анализа мы также выделили постструктуралистскую теорию дискурса, дискурсивную психологию и критический дискурс анализ.

Если постструктуралистская теория дискурса описывает процессы создания, закрепления значений и конструирует новую социальную реальность, дискурсивная психология изучает языковые особенности как средство социального взаимодействия. В дискурсивной психологии пытаются определить механизмы воспроизводства социокультурного контекста. В критическом дискурс-анализе разграничиваются социальный и языковой контекст. При этом, социальный контекст конструируется и реконструируется набором языковых средств.

Рассмотрев основные определения дискурса и выявив существующие модели дискурс-анализа, мы проанализировали теоретические источники, направленные на изучение политического дискурса. Прежде всего, мы определили политическую лингвистику как раздел лингвистики, изучающий особенности политической коммуникации, ее эмоциональной и персуазивной направленности. Являясь наукой, находящейся на стыке различных научных дисциплин, политическая лингвистика обеспечивает исследование социальной коммуникации путем изучения ее языковых особенностей. Далее, говоря об определении понятия «политический дискурс», мы отметили, что в политической лингвистике выделяются следующие подходы для его определения: 1) узкий и широкий подходы; 2) полевой; 3) сопоставительный; 4) когнитивный; 5) дескриптивный; 6) критический; 7) риторический. Данные подходы

используются комплексно и создают условия для многоаспектного изучения политического дискурса.

Помимо прочего, нами были проанализированы труды, посвященные определению функций политического дискурса. Выявленные классификации Е.И. Шейгал, Б.Ю. Нормана, Д. Грейбера, Р. Водака, П. Чилтона и К. Шеффнера схожи в большинстве элементов, различия в классификациях минимальны. В ходе нашего исследования мы выделили наиболее общие функции политического дискурса, к которым относятся: 1) персуазивность; 2) информативность; 3) аргументативность; 4) оценочность; 5) агональность; 6) акциональность; 7) социальная дифференциация; 8) креативность.

Таким образом, мы видим, что для политического дискурса, как и для любого типа дискурса, свойственна реализация социальных и коммуникативных значений посредством языкового выражения. Основная функциональность политического дискурса направлена на убеждение слушателей, изменение их позиции имплицитными и эксплицитными языковыми средствами. Критический дискурс-анализ представляется нам наиболее подходящей моделью для проведения практической части исследования.

ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

2.1. Стилистические свойства политического дискурса

Для политического дискурса, в определенной степени, свойственно преобладание манипулятивности: каждый акт политической коммуникации рассматривается как процесс управления деятельностью собеседника посредством формирования в его сознании определенных установок, внушении необходимости «политически правильных» действий и/или оценок» [Демьянов, 2002: 37].

Согласно Г. Н. Парастаеву, в связи с низкой политической культурой и неумением анализировать собственный выбор и его последствия подавляющая часть общества не способна осуществить политический выбор, основываясь лишь на личных интересах. Именно поэтому «умело применяя язык, власть с легкостью «жонглирует» понятиями, категориями, идеями, трансформируя существующие концепты в свою пользу. Простейшим методом языкового влияния является использование нужных выражений и слов» [Парастаев, 2011: 97]. Действительно, для постоянно меняющейся политической ситуации в мире появляется необходимость в постоянной аргументации и актуализации в массовом сознании. С такой трудоемкой задачей справляется язык,

который чутко реагирует на подобные трансформации ввиду своей подвижности и изменчивости.

Для того, чтобы оказывать воздействие на аудиторию и управлять ее восприятием политический дискурс прибегает к особым приемам и речевым средствам, которые характеризуются целенаправленностью, имплицитностью и массовостью.

Особый интерес исследователей на данном этапе изучения политического дискурса представляет репрезентация эмотивности в политическом тексте, которая обусловлена целями политической речи – воздействие на адресата, создание определенного отношения аудитории к различным политическим событиям.

Идиолекты политиков неизбежно влияют на эмоциональный отклик и моральные установки адресата, однако в таких речах может отсутствовать четкая аргументация и логика текста. Цель политического дискурса – убеждение, от этого речь политика насыщена символами, воздействующими на сознание слушателя, затрагивающие его иррациональные стороны. Эмоциональное воздействие, в этой связи, наиболее эффективно.

Социолог Д. В. Чайковский предлагает разделить символы, которыми оперирует опытный политик, на две группы: презентационный символизм власти (символы, не имеющие языковой формы) и дискурсивные символы (языковые символы). К первой группе мы можем отнести, к примеру, инсигнии, одежду, манеру речи, походку, жесты и позы человека, и также чины и должности, научные степени и особые звания; а ко второй – язык и речевые приемы [Чайковский, 2011: 185].

Проводя исследования, описывающие речевое поведение политиков, проявляемое в процессе политической коммуникации, исследователи определяют те лингвистические средства, при помощи которых происходит управление восприятием, и выявляют языковые возможности для управления сознанием. В таком случае, язык представляет особый интерес для научного исследования, ведь, по справедливому замечанию Н.Э. Гронской, «язык умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать» [Гронская, 2000: 221].

Так, например, Л.М. Босова подчеркивает, что язык политиков больше направлен не на констатацию фактов, а на передачу оценки. Помимо безоценочной лексики, приобретающей в политическом тексте оценочную коннотацию, политики часто используют оценочную лексику для выражения личного отношения к определённой проблеме, чтобы убедить аудиторию в правильности своих взглядов. Особенно ярко это можно заметить в предвыборных речах, в которых кандидаты пытаются привлечь свой электорат всеми возможными средствами, в том числе и языковыми. Также,

эмотивность политического текста достигается путем метафоризации, которая «оказывает воздействие на ассоциативное мышление, а подчас и манипулирует сознанием и мыслительным процессом; служит эффективным средством выражения личной позиции автора; выступает в роли «уплотнителя» информации» [Босова, 2018: 34–35].

Таким образом, подтверждается идея о том, что политическая коммуникация – сложный процесс взаимодействия субъектов коммуникации, включающий в себя различные эмоциональные компоненты, которые находят отклик в восприятии аудитории определённых общественно-политических событий.

О.А. Барташова и С.Е. Полякова, рассматривая предвыборные речи американских политиков через призму способов реализации эмотивно-прагматической установки, определили, что политический текст, который должен отвечать требованиям «страстности и образности, остроты и яркости изложения», насыщен маркерами эмотивности на всех уровнях языка. Также, исследователи отмечают, что в идиолектах политиков преобладает определенный тип эмотивности, который зависит от следующих факторов: 1) индивидуальные особенности речи; 2) гендерная категория, 3) политическая позиция и др. Многообразие средств эмотивности политических текстов мотивируется выполнением основной эмоционально-прагматической функции – убеждении [Барташова, Полякова, 2021: 53-54].

М. Фуко является основоположником исследований дискурсивных практик, которые он определял как разновидности технологий управления, помогающие реализовать проекты и программы.

В нашем исследовании нам представляется логичным определить дискурсивную практику как определенно выверенный набор элементов коммуникации: текста, правил его построения, использованных речевых приемов, интенций говорящего и ожиданий аудитории, способов передачи информации. Политические дискурсивные практики направлены, в первую очередь, на трансформацию действительности, служащей его основой в определенный период времени.

2.2. Коммуникативные стратегии политического дискурса

К технологиям дискурсивных практик можно отнести употребление субъектом слов, формирование им словосочетаний и более комплексных речевых структур с целью манипулирования сознанием целевой аудитории, которые могут встречаться на всех уровнях языка. Как правило, эти технологии выступают не отдельно, а в связке с иными средствами воздействия: мимикой, жестами, интонацией, тембром голоса и т. д. Таким

образом, подбирая выражения, используя определенные грамматические структуры, различные средства выразительности речи и синтаксические конструкции в публичном выступлении, можно успешно реализовать основные стратегии политического дискурса.

Под понятием «стратегия» мы будем вслед за О. Н. Паршиной понимать «определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [Паршина, 2005:19]. Однако подходы к выделению тех или иных стратегий в группы заставили исследователей рассмотреть это понятие по-разному. Так, О. Н. Паршина выделяет следующие стратегии политического дискурса:

- самопрезентации;
- дискредитации;
- нападения;
- самозащиты;
- формирования эмоционального настроения адресата;
- информационно-интерпретационную;
- аргументативную;
- агитационную;
- манипулятивную.

Выбор стратегии основывается на осознанный субъектом коммуникации ряд текстуальных и грамматических категорий, восприятие которых аудиторией обеспечит соответствующий эффект.

Классификацию стратегий и тактик, используемых в политическом дискурсе, предложила также и О. Л. Михалева. Она выделяет:

1. Стратегию на понижение:

- a) тактику анализ – «минус» (негативное описание ситуации, демонстрация автором своего отношения к описываемому);
- b) тактику обвинения (приписывание вины, вырисовывание образа оппонента в негативном свете);
- c) тактику обличения (обвинение оппонента путем приведения доказательств);
- d) тактику оскорбления (унижение оппонента);
- e) тактику угрозы (запугивание оппонента).

2. Стратегию на повышение:

- a) тактику анализ – «плюс» (транслирование положительного отношения к описываемому);
- b) тактику презентации (представление какого-либо лица в положительном свете);
- c) отвод критики (приведение оправдательных аргументов).

3. Стратегию театральности:

- а) тактику побуждения (стремление говорящего склонить аудиторию к своей точке зрения, призывать к совершению действий);
- б) тактику размежевания (выстраивание оппозиции «мы – они»);
- с) тактику обещания [Михалева, 2009: 158-161].

Предложенные российскими исследователями О. Н. Паршиной и О. Л. Михалевой стратегии и тактики, на наш взгляд, отражают основные особенности политических текстов. Их анализ позволяет выявить воздействующий потенциал дискурсивных практик. Однако стоит отметить, что реализация тактик определенно зависит от тех речевых приемов и языковых средств, которые будут активно использоваться в процессе политической коммуникации, в частности в речи политических деятелей.

По мнению Дж. Серля, имеет смысл выделить особые виды высказываний, к которым зачастую прибегают политики в рамках различных публичных выступлений:

1. репрезентативы – высказывания, направленные на закрепление ответственности говорящего за свои суждения;
2. директивы – выражают стремление говорящего побудить слушателей к совершению определенных действий (или бездействию);
3. комиссивы – закрепляют обещание говорящего придерживаться определенной линии поведения;
4. экспрессивы – служат для выражения эмоций и оценок говорящего;
5. декларации – констатируют настоящее положение дел [Дж.Серль 1986: 170-194].

Используя подобные речевые структуры, политик эффективно воздействует на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата, четко доносит до него собственную точку зрения как верную.

2.3. Стилистические особенности политического дискурса

В первую очередь, политический дискурс располагает широким рядом стилистических средств. Ведь именно на основании их правильного использования будет зависеть в какой степени и к каким результатам приведет политическая коммуникация. В этой связи нам кажется логичным выделить стилистические средства, организующие политический дискурс.

Однако, перед тем как перечислить особенности стилистического оформления политических текстов, нам хотелось бы отметить основные позиции и классификации, касающиеся данного аспекта языка.

Согласно Аткинсону, положительные реакции слушателей соответствуют механизмам риторики. Он считает, что владение этими механизмами свойственно «харизматичным» ораторам [Atkinson, 1983: 125].

Относя политический дискурс к экспрессивному дискурсу, Д.Н. Шмелев отмечает, что экспрессивные элементы языка разграничиваются на “те, которые характеризуют эмоциональное состояние говорящего или его отношение к предмету сообщения (или также направлены на то, чтобы эмоционально воздействовать на собеседника) и те, которые характеризуют самого оратора с языковой точки зрения. В первом случае можно говорить о (собственно) экспрессивных, во втором – характерологических средствах языка” [Шмелев, 1964: 44].

Наиболее точную классификацию языковых средств политического дискурса представил Ребуль, согласно которому все средства можно разделить на четыре категории:

- речевые фигуры относятся к ритмике высказываний и должны привлекать внимание и убеждать слушателей правдоподобием;
- фигуры смысла выражают измененные значения слов, имплицитной информации, различные лексические замены, сравнения, преувеличения и т.д.;
- синтаксические фигуры уменьшают количество означающих путем добавления или перестановки элементов высказывания. Также они организуют структуру дискурса;
- фигуры концепции призваны убедить слушателя в том, что необходимая политическая информация предстаёт как единое верное, частным примером таких фигур являются – аллюзии [Reboul, 1980].

Классификация Е. Морару не противоречит вышеизложенной классификации, однако ученый конкретизирует инструментарий политического дискурса в стилистическом отношении. Называя их фигурами речи, она выделяет типы стилистических средств в зависимости от их цели:

2. аналогия (сравнение, метафора, аллегория, олицетворение)
3. замена (метонимия, синекдоха, перифраза)
4. преувеличение (гипербола, градация)
5. опущение (эвфемизмы, литота и эллипсис)
6. противопоставление (антитеза, ирония, оксюморон)
7. персуазивность (повторы, плеоназм, анафора)

Лингвист подчеркивает, что фигуры речи не являются универсальными для любого текста. Использование тех или иных средств должно исходить из конечной цели коммуникации [Морару, 2019: 367].

Помимо традиционных классификаций существуют также фигуры речи, которые сложно отнести к какой-либо категории, однако такие фигуры способны создать бесконечное множество речевых единств, ограничиваясь некоторыми факторами: особенностями языковой личности, целью коммуникации, целевой аудитории.

Множество исследований предполагает универсальность политического языка вне зависимости от языковой принадлежности. Так, Резаеи и Нурали проанализировали речи президентов США и Ирана, часть из которых была по одной тематике, а другая – по разным. Согласно результатам проведенного исследования, приемы убеждения между двумя политическими идиолектами не имеют значительного различия. Однако разнится частота их применения, которая напрямую зависит от влияния культуры на мышление и восприятие людей. Лингвистические манипуляции считаются влиятельным инструментом политической речи, потому что их основная цель – убедить людей, агитировать их к политическим действиям [Rezaei, Nurali, 2016 : 5-6]. По большому счету, языковые формы выражения эмотивности (метафоры, аллюзии, сравнения, метонимии и др.) играют огромную роль в передаче идеологии политиков и утверждают их позицию для аудитории, убеждают аудиторию в правильности взглядов.

Таким образом, мы видим, что стилистические фигуры присущи политическому дискурсу на всех языковых уровнях (фонетический, лексический, синтаксический, дискурсивный). Однако, не все элементы легко классифицируют и могут быть универсальны. В нашем исследовании нам бы хотелось выделить основные стилистические средства, присущие риторике политического дискурса.

2.3.1. Метафора

Для политического текста характерно наличие разнообразных метафор. В нашем исследовании определение метафоры исходит от трактовки, предложенной Прохоровым. Согласно большому энциклопедическому словарю, метафора – это троп, основанный на перенесении свойств одного предмета (явления) на другой на основании признака, общего или сходного для обоих сопоставляемых членов [Прохоров, 1991].

Дж. Лакофф и М. Джонсон предложили теорию концептуальной метафоры, которая сводилась к мысли о том, что метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по

образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение», которые выделили структурные, ориентационные и онтологические метафоры [Лакофф, Джонсон, 2004: 9].

Ученые выделяют три группы метафор – структурные, ориентационные и онтологические. Для структурной метафоры является ее регулярность, подтвержденная некоторым числом соответствующих метафорических выражений (например, «пицца для размышлений», «жизнь – это путешествие» и т.д.). Ориентационные метафоры придают понятию пространственную ориентацию. Подобные метафорические ориентации произвольны – они опираются на наш физический и культурный опыт. Хотя полярные оппозиции “верх – низ”, “внутри – снаружи” и т. п. имеют физическую природу, основанные на них ориентационные метафоры могут варьировать от культуры к культуре («to feel up – чувствовать себя на вершине блаженства», «he’s at the pick of health – он на пике здоровья» и т.д.). Метафора может служить средством осмысления того или иного понятия только благодаря ее эмпирическому основанию [Лакофф, Джонсон, 2004: 35, 43].

Онтологические метафоры – метафоры сущности и субстанции, то есть, когда осмысление нашего опыта в ориентационных терминах способствует вычленению его элементов и применению их относительно сущности или вещества некоторого единого типа («Inflation is backing us into a corner» – «Инфляция загоняет нас в угол») [Лакофф, Джонсон, 2004: 50]. В связи с этим большое количество политических метафор представляют собой разнообразные отсылки к различным событиям и аспектам жизни общества.

О.Н. Михалева указывает на метафору как на тонкий инструмент психологического воздействия, поскольку использование определенной метафорической модели помогает политику выстроить связь со слушателями, навязав и укрепив выгодную ему картину мира [Михалева, 2004: 123].

Ф. П. Чудинов, исследуя аспект употребления метафор в политических текстах, выделяет четыре субсферы – источники политической метафоры: «человек», «социум», «природа», «артефакты» [Чудинов, 2001: 238]. С помощью антропоморфных метафор («хребет рыночной экономики», «промывка мозгов», «лихорадка с выплатой зарплаты» и т.д.) политическая деятельность сопоставляется миру людей и анализируется через понятия болезни, физиологии, семьи и т. п. Природные метафоры («молодые тигры "Отечества"», «акулы пера», «корни кризиса» и т.д.) позволяют провести сравнения политических реалий с миром, окружающим человека. Социальные – воспринять политику через концепты войны, мира, игры, спорта и т. д («мафиозная семья Лужкова»,

«жить в законе», «ловить кайф», «Жириновский — это всегда канкан» и т.д.). Через артефактные метафоры («единый дом с общими стенами и крышей», «растаскивать федеральную собственность по региональным квартирам» и т.д.) политические процессы и события представляются как то, что создано человеком. Таким образом, в идиолектах политических деятелей метафоры выполняют целый ряд задач: субъективная оценка, простота преподнесения информации, внедрение экспрессивности тексту, создание у аудитории ассоциативных рядов и эмоционального напряжения.

О манипулятивности метафор говорят также исследования А.Н.Баранова и Ю.Н.Караулова, которые определяют политическую метафору как речевое воздействие с целью формирования у реципиента (чаще всего — у общества) либо положительного, либо отрицательного мнения о том или ином политическом явлении (политике, партии, программе, мероприятии, и т.д.) [Баранов, 2003 :189]. Таким образом, метафора является не только средством акцентирования внимания потенциальных избирателей, но и помогает предотвратить политически невыгодные действия.

М.В. Арапов говорит о том, что помимо манипулятивности политическая метафора довольно часто обладает имплицитностью, то есть истинные позиции и намерения политика могут скрываться за образностью языка. Будучи неотъемлемой частью политического дискурса, когнитивная метафора незаметна массовому потребителю, что непосредственно позволяет воздействовать как на его сознание, так и на бессознательные компоненты его психики [Арапов, 1997: 43].

2.3.2. Сравнение

К числу стилистических приемов, в какой-то степени родственных метафоре (по функции, но не по лингвистической природе), относится сравнение. Сущность этого стилистического приема раскрывается самим его названием. Два понятия, обычно относящиеся к разным классам явлений, сравниваются между собой по какой-либо одной из черт [Словарь литературоведческих терминов, 2005].

В отличие от метафоры, сравнение не представляет собой семантической фигуры, так как в нем нет необходимого для тропа отклонения от семантического кода — его семантические компоненты не соединяются в одном знаке, а представлены оба. В сравнении один объект характеризуется посредством другого на основании сходного, очевидного и бесспорного признака. В сравнении нет семантической аномалии, которая характерна для метафоры [Скляревская, 2017: 15].

Согласно О.И. Алешиной и Л.И. Бронзовой, сравнение – это образное выражение, которое часто используется, когда необходимо показать, что явления, предметы или

лица, о которых идет речь, имеют какие-либо общие черты. Цель использования данного приема – акцентировать внимание на каком-либо свойстве субъекта речи, придать наглядность или объяснить значение. Сравнение в политическом дискурсе является интерактивно значимым для сопоставления одного явления или понятия с другим. В отличие от элементов речевой ткани его значение и структура обеспечивают выполнение определенных функций по управлению деятельностью адресата в интересах реализации замысла автора [Алешина, Бронзова, 2015: 86].

Для использования сравнения основной принцип должен основываться на схожести одной черты при полном расхождении других черт. В политическом тексте сходство обычно усматривается в тех чертах и признаках, которые не являются существенными, характерными для обоих сравниваемых предметов или явлений, а лишь для одного из членов сравнения («La République n'est pas un drapeau dans lequel il fait bon se blottir si c'est pour, aussitôt après, s'essuyer les pieds sur ses valeurs comme sur un paillason», «Путин хороший, а мы все – говно» и др.).

2.3.3. Метонимия

Метонимия – вид тропа, заключающийся в употреблении слова или словосочетания в переносном значении, в котором одно слово замещается другим, как в метафоре, однако в отличие от метафоры метонимическое замещение может производиться лишь словом, обозначающим предмет (явление), находящийся в той или иной (пространственной, временной и т. д.) связи с предметом (явлением), которое обозначается замещаемым словом [Чудинов, 2003].

Несмотря на то, что метонимия, как и метафора, представляет собой перенос значений между двумя объектами, ее принципиальным отличием считается такой признак сопоставления, как смежность. Значительный объем метонимий, используемых в политических речах, основывается на смежности объектов по характерным признакам страна - народ. В исследовании М.Н. Суровой были выявлены случаи использования метонимии, базирующейся на именах собственных, которые фактически строятся по определенному шаблону – от контекста к контексту. Например, номинации стран в обращениях их политических лидеров служат метонимией для обозначения всего народа, тем самым политики стараются выстроить доверительные отношения со слушателями и показать свою сплоченность в решении тех или иных вопросов («международный формат, в котором Россия и Франция тесно взаимодействуют», «Турция своими силами не может пресечь подобные злоупотребления»). Такие

метонимические образования можно отнести к элементам клишированных конструкций – маркеров политического дискурса [Сулова, 2016: 247].

Также, для политических речей характерны метонимии, основанные на использовании социальных «терминов» (друг, сосед, коллега, партнер), основная цель которой обозначить различные политические позиции в сложных процессах, навязать слушателю образ друга и(ли) врага («наши *турецкие соседи*», «мы с нашими французскими друзьями») [Сулова, 2016: 247].

Третью группу метонимий составили метонимические переносы, основанные на принципе смежности «положение в пространстве – политическое объединение людей» («от стран СНГ <...> требовали сделать выбор – «либо с Западом, либо против Запада»). При этом различные метонимические формы могут использоваться в едином контексте, порождая устойчивые словесные метонимические комплексы, что является одной из ярких черт политических выступлений большинства политиков [Сулова, 2016: 249].

2.3.4. Эпитет

Эпитет – художественно-образное определение, подчеркивающее наиболее существенный в данном контексте признак предмета или явления; применяется для того, чтобы вызвать у читателя зримый образ человека, вещи, природы и т.д. [Бродский, 2005]. Всем эпитетам присуща субъективность и эмоциональность. Эмоциональное значение в эпитете может сопровождать предметно-логическое значение, либо существовать как единственное значение в слове. Эпитет рассматривается многими исследователями как основное средство утверждения индивидуального, субъективно-оценочного отношения к описываемому явлению. Эпитеты являются мощным средством в руках политика для создания необходимого эмоционального фона повествования, они рассчитаны на определенную реакцию слушателей. Очень часто эпитеты выражаются не одним словом, а словосочетаниями, которые, в связи с их атрибутивной функцией и препозитивным положением, приобретают характер сложного слова.

Исследуя российский политический дискурс, Сулова М.Н. отмечает, что в политических речах эпитеты являются одними из наиболее употребительных языковых средств, в ряду которых вычленились лексемы с положительной и с отрицательной коннотацией. Эпитеты с положительным значением («сильная, свободная, справедливая Россия», «справедливое, свободное и солидарное общество» и т.п.) используются исключительно для характеристики деятельности политической партии, а эпитеты с негативной оценкой – для критики действий нынешней власти, описания политической ситуации в стране и активизации протестных настроений. При этом эпитеты с

отрицательной коннотацией («подходы оказались разрушительными», «позорное явление» и т.п.) преобладают, что является значимым показателем в контексте функциональных особенностей политического дискурса [Сурова, 2016: 251].

2.3.5. Ирония и каламбур

Для оживления речи и создания положительного эмоционального отклика политики используют в своих речах элементы юмора – иронии, каламбуры, шутки. Комичность в речи имеет конкретную цель и привлекает внимание аудитории. Предметом осмеяния может стать конкретный человек, политическая деятельность, политическое положение.

Ирония – это стилистический прием, посредством которого в каком-либо слове появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности (противоречивости) [Чудинов, 1910]. Таким образом, эти два значения фактически взаимоисключают друг друга.

Иронию не следует путать с юмором, поскольку юмор – это такое качество действия или речи, которое обязательно возбуждает чувство смешного. В свою очередь «смешное» может подразделяться на добродушный и «горький» смех.

В.И. Шаховский в своем исследовании об эмотивности языка определяет функции иронии в политическом дискурсе. С одной стороны, ирония придает политическому тексту яркость, броскость и привлекательность, удовлетворяет персуазивную функцию политического дискурса на адресата; а с другой стороны, ирония способствует реализации самовыражения политического деятеля или аналитического обозревателя [Шаховский, 2008: 262].

А.А. Горностаева расширяет функциональность иронии, обращая внимание на ее защитную функцию: чрезмерно эмоциональный спор прекращается, а каждый из собеседников остается при собственном мнении. Функция защиты особенно важна в жанре интервью, так как один из лучших способов уклониться от нежелательной темы — применить иронию («Скромная ты девочка. Позвони, когда станешь известной» («Собчак живьем»), «...your first cars.. you didn't buy them...» и т.д.) [Горностаева, 2013: 75—76].

Ирония и юмор служат в качестве эффективного инструмента во время предвыборных кампаний, а также используются для выхода агрессии, снятия напряженности и являются маркером внутригрупповой принадлежности, что подчеркивают исследователи.

2.3.6. Гипербола

Согласно энциклопедическому словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, гипербола – это риторическая фигура преувеличения (или, напротив, уничижения) истины, как, напр., в выражениях "кровь лилась ручьями", "пот катился градом". Намеренное уничижение (называемое также мейозис) служит для вызывания комических эффектов контрастом между гиперболической формой и ничтожностью содержания [Брокгауз, Ефрон, 2002]. Данный троп выражает слова или словосочетания, которые представляют реальность в крайней степени, и в отличие от сравнений не основываются на очевидном сходстве.

Высказывания гиперболического характера, как отмечает К. Клэридж, в рамках политического дискурса помогают оратору придавать серьезность ситуации, агитировать слушателей, подвергать критике позицию или действия политического оппонента и представить в выгодном свете свои политические убеждения [Claridge, 2011: 265].

Исследуя особенности гиперболы, Т.М. Голубева подчеркивает, что их использование в политическом дискурсе имеет выраженную персуазивную направленность («an unlawful use of force by the Russian State against the United Kingdom», «an avalanche of lies and disinformation», «a torrent of absurdity» и т.д.). Политическим гиперболам свойственны:

1. актуализация политической значимости социальных событий;
2. выражение негативного эмоционального отношения говорящего к предмету сообщения (негодование, возмущение);
3. порождение негативных эмоций у аудитории, что обуславливает критику и дискредитацию оппонента и его действий;
4. формирование у адресата определенного отношения к предмету сообщения;
5. взаимодействие с другими риторическими приемами (аналогией, аллитерацией, анафорой, градацией) для придания большей экспрессивности и убедительности;
6. эвокативность, то есть способность вызывать определенные представления, в рамках которых объект гиперболической репрезентации приобретает свойства, значительно отличающиеся от его реальных

характеристик в количественном, а иногда и качественном отношении [Голубева, 2019: 203].

Следовательно мы можем сделать вывод о том, что для политического теста характерная высокая степень гиперболизированности, которая придает высказываниям дополнительные имплицитные значения с учетом функциональной направленности речи.

2.3.7. Аллюзия

Особое место в речевых практиках политиков занимает аллюзия. Согласно толковому словарю иностранных слов аллюзия – стилистическая фигура, заключающаяся в соотношении описываемого или происходящего в действительности с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического, мифологического порядка [Егорова, 2014: 31].

Аллюзии способны вызывать к жизни образы-элементы коллективной памяти, имеющие различные эмоциональные отклики. Подобные образы могут носить универсальный (общемировой) или локальный (национальный) характер. Наблюдается также пересечение зарядов точек сравнения (источников аллюзий) при столкновении различных культур. По структуре все аллюзии можно разделить на:

1. собственно аллюзия (вербальный метафорический перенос аллюзивного характера)
2. распространённая аллюзия (присутствие в отдельном тексте или его отрезке многочисленных вербальных аллюзий на одну точку сравнения)
3. неметафорическая аллюзия (референция на схожие события и персонажи, проведение прямых параллелей с использованием фактического материала неметафорического характера, подтверждающего сходство настоящего с прошлым) [Киосе, 2002].

Включение политическими деятелями выражений из чужих текстов в собственных речах стало характерной чертой современной политической коммуникации. Такой яркий способ выражения экспрессии не замедлил привлечь внимание исследователей. Некоторые исследователи увидели в описываемом явлении развитие старого приема трансформации цитаты: «Структурно или семантически преобразуя известное устойчивое речение, добавляя к нему новые смысловые, стилистические или экспрессивные оттенки, автор соотносит его прямое и обновленное значение, побуждая тем самым адресата к активной мыслительной деятельности. Ассоциативные нити, возникающие при этом у адресата, связывают преобразованную

цитату с ее общеизвестным источником и создают яркий экспрессивно-стилистический эффект» [Юдина, 2004: 80 – 90].

Анализируя американский политический дискурс, И.С. Ярошевич говорит о том, что аллюзия служит средством построения интертекста, представляющего собой свернутую информацию, полученную из текстов-источников. Взятая из претекста аллюзивная единица вновь возвращается в текст, но уже с новым смысловым содержанием («I imagined the stories of ordinary black people merging with the stories of David and Goliath, Moses and Pharaoh, the Christians in the lion's den, Ezekiel's field of dry bones», «Sunday has not yet come to New Orleans, but you can see it ahead» и т.д.). Таким образом, с помощью аллюзии происходит извлечение дополнительной информации из уже известного образа – имени, ситуации или текста. Заимствованные элементы при этом организованы таким образом, что они являются узлами сцепления семантикокомпозиционной структуры нового текста [Ярошевич, 2012: 118].

Рассмотрев основные стилистические средства политического дискурса, мы можем сделать вывод о том, что данный тип дискурса обладает высокой степенью стилизованности. Функции средств языковой выразительности в политических речах многообразны, что говорит о том, что всякая политическая коммуникация уникальна. Учитывая условия порождения речи и конечную ее цель, политики прибегает к широкому спектру языковых средств (метафора, гипербола, метонимия, эпитет, ирония и т.д.).

2.4. Лексические особенности политического дискурса

Так как политический текст, произнесенный публично, напрямую связан с общественной жизнью, требования официально-делового стиля довольно часто нарушаются наличием в текстах эмоционально-оценочных слов, которые служат не только для обозначения, номинации предметов и явлений, но и выражения субъективного отношения к ним в лаконичной точно смысловой форме. В этой связи нам кажется логичным выявить особенности лексики, используемой в политическом дискурсе, формирующие политический дискурс.

По мнению Е. А. Пустовар в политическом тексте преобладают эмоционально-окрашенные слова, которые способны, как и стилистические средства, породить эмоциональную реакцию адресатов, мотивировать их на совершение определённых действий, направлять к принятию ими определённой политической позиции. К таким элементам языка ученый относит:

1. слова с ярким оценочным значением;
2. многозначные слова, обычно нейтральные в основном значении, но получающие яркую эмоциональную окраску при метафорическом употреблении;
3. слова с суффиксами субъективной оценки, передающие различные оттенки чувства [Пустовар, 2016].

Воздействие может оказываться с помощью таких языковых средств, однако употребление стилистически окрашенных слов может быть обусловлено особенностями субъективной манеры преподнесения информации, а значит, не всегда может быть однозначно истолковано и интерпретировано.

Что касается употребления в текстах политиков **заимствованных слов**, следует отметить, что причинами тому может быть как обоснованная необходимость, когда средствами родного языка обойтись не получается, так и стремление наполнить речь особой выразительностью и новизной. Иностранное заимствование позволяет избежать чрезмерных повторов, и именно поэтому они вносят особую яркость и экспрессию, делая текст более запоминающимся.

Так, подчеркивая важность переключения кода как инструмента политического дискурса и политического идиостиля, исследователь С. Муди говорит о том, что переключение кода проявляется в различных политических речах по-разному в зависимости от контекста ситуации: нестандартные речевые паттерны в не опосредованных взаимодействиях, сочетание стандартных и нестандартных паттернов в опосредованных взаимодействиях. Такое отношение политического деятеля говорит о том, что он желает казаться авторитетным и одновременно поддерживать образ «обычного парня» [Муди, 2020: 334]. Более того, переключение кода помогает исследовать политический дискурс, принимая во внимание типы заимствованных слов, их положение в предложении, их контекст и фонологические особенности.

Кроме того, переключение и микширование кода используются в политической рекламе с целью агитации. Например, исследование рекламных объявлений в нигерийских газетах показало, что переключение кода использовалось для создания солидарности, выражения эмоций, передачи смысла и преодоления этнических барьеров [Муди, 2020: 343].

Таким образом, исследователи полагают, что политический дискурс характеризуется переключением кода, которое широко используется для передачи политических убеждений, имплицитного навязывания определенной точки зрения, побуждения к действию целевой аудитории. Поэтому не вызывает сомнений положение

о том, что переключение кода следует рассматривать как неотъемлемый элемент исследования политического дискурса.

Однако для того, чтобы выразить косвенную оценку, в политическом дискурсе используются особые приемы представления информации в завуалированной форме, конкретной языковой реализацией этой функции принято считать афористику, исследуя которую Е. М. Верещагин включают следующие типы единиц:

1. пословицы и поговорки;
2. крылатые слова — «краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц»;
3. призывы, девизы, лозунги;
4. общественнонаучные формулы и естественнонаучные формулировки [Верещагин, 1990: 39-41].

Благодаря **афористике** возможно довольно четкое фиксирование позиции по отношению к какой-нибудь личности, события, процесса. Отличительные черты политических афоризмов — новизна, оригинальность мысли, субъективность, агитационный «подтекст», манипулятивность, что вновь обеспечивает персуазивную функцию политического дискурса при помощи своего «внешнего оформления и внутреннего содержания» [Верещагин, 1990: 42].

Усилить эффект обратной связи, «быть ближе к народу» позволяет использование **фразеологизмов**, пословиц и поговорок, употребление которых должно быть четко продумано, чтобы а) не допустить неверного употребления; б) избежать чрезмерного насыщения текста подобными высказываниями.

Согласно Т. И. Никишиной, французскому политическому дискурсу свойственно частотное употребление фразеологизмов, которые иногда трансформируются и моделируются для достижения выгодной для оратора цели, то есть, меняя устойчивые соединения, автор корректирует их содержание [Никишина, 2015: 181]. В таком случае реализуется право на свободную трактовку выражений и способность их изменять, от чего зависит красноречие оратора, его умение повернуть дискуссию в свою пользу.

С манипулятивными интенциями нередко используются **эвфемизмы**, которые определены в словаре лингвистических терминов как «смягчающие обозначения какого-либо предмета или явления, более мягкие выражения вместо грубого» [Розенталь, Теленкова, 1985: 351].

По мнению Молинье, эвфемизм – это лингвистический процесс, который в заключается в смягчении выражения относительно какой-либо передаваемой информации [Molinié, 1992: 143-144]. С прагматической точки зрения можно сказать,

что это процесс направлен на минимизацию возможных негативных последствий речевого акта.

Поскольку эвфемизмы являются частью каждой сферы общественной жизни, в том числе обычного разговорного языка, они возникают в результате обхода табу и запретов для реализации стратегий приукрашивания, ратификации общества или субъективности [López Díaz, 2014: 48].

Однако, помимо крупного пласта оценочной лексики, политический дискурс располагает рядом лексических категорий, которые обеспечивают информативность дискурса и его комплексность. К таким лексическим явлениям можно отнести **идеологемы** (слова или устойчивое словосочетания, непосредственно связанное с идеологическим денотатом, имеющее в своём значении идеологический компонент [Электронный ресурс, дата обращения: 12.03.22]).

А. П. Чудинов различает два вида идеологем. В первом случае, имеется в виду слово, имеющее различную эмоциональную окраску и разное значение у сторонников разных политических взглядов. Ко второму типу идеологем А. П. Чудинов относит слова, которые используются только сторонниками определенных политических взглядов [Чудинов, 2006: 93].

Говоря о лексике предвыборного политического дискурса, Ю.И. Плахотная выделяет следующие лексические категории:

1. общеупотребительная лексика (слова с прямым значением, зафиксированным в словарях);
2. просторечная лексика (слова, выражения, обороты, формы словоизменения, не входящие в норму литературной речи);
3. фразеологические обороты (словосочетания, в которых семантическая монолитность довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов);
4. жаргонная лексика.

Однако лингвист отмечает, что данные категории малоэффективны, поскольку, являясь речевыми клише, они не способны оказывать сильного воздействия на мировоззрение и волю адресатов и побудить их к совершению действий. Просторечная и жаргонная лексика откликаются лишь для незначительного количества адресатов, что также свидетельствует о малой эффективности этих способов [Плахотная, 2012: 91-92].

Из вышеизложенных положений мы можем убедиться в том, что политическому дискурсу помимо высокой образности, присущая и большая экспрессивность и эмоциональность, выраженная лексическими единицами. Использование

афористических элементов реализует агональную, акциональную и воздействующую функции политического дискурса. При этом использование специализированной лексики (идеологемы, политические термины, просторечия, жаргонизмы) оказывает малый эффект на адресатов, иначе говоря, не удовлетворяют персуазивной функции политического дискурса. В своей речи политику требуется подбирать наиболее окрашенные элементы словарного состава языка для того, чтобы сделать ее более привлекательной, интересной и убедительной.

2.5. Грамматические особенности политического дискурса

Грамматический строй речи влияет на успешность любой коммуникации, и естественным образом особенности морфологии и синтаксиса присущи и политическому дискурсу. В данной разделе мы попытаемся описать наиболее частотные грамматические средства, используемые в политическом тексте. Нам представляется логичным выделить сначала морфологические особенности, а затем определить синтаксический инструментарий данного типа дискурса.

2.5.1. Морфологические особенности

Большое количество исследований в области грамматики политического дискурса отведено употреблению **местоимений**, в частности – личных. Так, например, Д. Майафр, исследуя языковой профиль политиков, полагает, что личные местоимения оказывают непосредственное влияние на адресатов, так как в зависимости от формы местоимения зависит выражение политической позиции адресата. По словам ученого, во французских политических текстах левого толка наиболее частотным является местоимение «nous», указывающее на коллективное вовлечение, в то время как идеи правого толка выражены либо местоимением «je», либо безличным местоимением «on», используемые для намека на политическую идентичность говорящего. Пронаминализация придает совершенно противоположную индивидуальность левостороннему и правостороннему дискурсу, особенно в осознании идентичности, которое говорящий может иметь по отношению к себе или которое аудитория может иметь по отношению к говорящему [Mayaffre 2003: 264-266].

А.А. Карамова также исследовала явление пронаминализации в политическом дискурсе. Большой упор она делает на функциях местоимения «мы» и приводит список наиболее сочетающихся с ним грамматических конструкций на основе анализа

официальных программ политических партий Российской Федерации. Лингвист выделяет следующие особенности употребления местоимения «мы»:

1. «Мы» эксклюзивное» в значении «мы-партия». В высказывании подобное «мы» наиболее активно употребляется в семантической позиции агенса для:

- определения идейной платформы, позиции, идейных убеждений при глагольных сказуемых с семантикой отношения, уверенности, полагания, мнения, принятия позиции;
- определения целей, задач, планов при глагольных сказуемых в форме настоящего и будущего времени со значением намерения или желания;
- создания картины будущего
- определения социальной основы – граждан в форме глагольными сказуемыми типа представляем интересы, учитываем интересы и т.д.;
- взятия на себя ответственности за выполнение обязательств в формах глагольного сказуемого настоящего или будущего времени;
- призыва к совместным действиям посредством перформативных глаголов.

2. «Мы» инклюзивное в значении «мы – народ + партия». Данная модель применяется для:

- объединения граждан;
- отсылки к общему прошлому;
- указания на общность будущего «мы-партии» и народа;
- приобщения граждан к решению политических задач;
- идеологического воздействия.

Так, например фразы по типу «мы заявляем, что находимся в последовательной оппозиции», «мы видим свою задачу в укреплении», «мы постарались учесть пожелания всех возрастных групп», «мы призываем всех трудящихся встать в ряды...» автор относит к «мы» эксклюзивному, в то время как выражения «Мы граждане одной страны!», «нам необходимо прийти к общественному согласию», «Нашими соратниками станут многие молодые люди» соответствуют характеристикам «мы» инклюзивного. Этим целям также соответствует и употребление аналогичной формы притяжательного местоимения «наш» [Карамова, 2014: 144-146].

Употребление личных местоимений, как мы можем видеть, является предопределяющим элементом успешности политической коммуникации, поскольку верно подобранная форма позволяет политику вовлекать в беседу свою аудиторию, напрямую влиять на принятие определенных позиций, выгодных политической партии.

Помимо проминализации политические деятели аккуратно подходят к вопросу выбора **глагольных форм**. А. Дорна говорит о том, что от класса предикатов зависит степень убедительности политического текста. Ученый выделяет три категории глаголов, описанные Гильоне, Маталонем и Бакри (1985):

1. фактитивные глаголы, характеризующие достижения, способы воздействия на кого-либо или что-либо, в особенности – намеренное (« faire », « agir » и т.д.);
2. статические глаголы, указывающие на все свойства, состояния и владения и служащие для утверждения реальности (« être », « avoir », « rester » и т.д.);
3. декларативные глаголы, выражающие отношение к состояниям, действиям, позициям объектов, чувств, идей и служащие для обозначения политической позиции, передачи аксиологического суждения или оценки (« dire », « prononcer », « promettre », « déclarer » и т.д.) [Dorna, 1995:142].

В исследованиях политического дискурса большое внимание уделяется видовременным категориям и формам их реализации в речи. Так, например, одним из таких критериев является **модальность**, которая определяется словарями как «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношению содержания высказывания к действительности..., выражается различными грамматическими и лексическими средствами, такими как форма наклонения, модальные глаголы и т.д.» [Словарь лингвистических терминов, 1969: 237].

Высокий уровень модальности присущ англоязычному политическому дискурсу. По мнению Б. А. Ильиша, группа модальных глаголов включает в себя только те глаголы, которые отличаются от всех остальных рядом характерных особенностей в значении, употреблении и грамматических формах. Такие глаголы отличаются отсутствием собственно глагольных грамматических категорий (вид, временная соотносительность, залог); у них могут быть лишь формы наклонения и времени, являющиеся показателями сказуемого. Исходя из этого, а также из того, что у них отсутствуют безличные формы (инфинитив, герундий, причастие), модальные глаголы не являются основными в глагольной системе английского языка. Они выражают значения возможности, способности, вероятности, необходимости совершения действия, выраженного смысловым глаголом. Они не обозначают действие, передают лишь модальное отношение, вследствие чего никогда не употребляются в качестве отдельного члена предложения. Модальные глаголы употребляются только с инфинитивом, образуя с ним сочетания, являющиеся в предложении сложным модальным сказуемым [Ильиш, 1968: 117-125].

Согласно З.Я. Тураевой, общественно-политические тексты могут отражать как реально существующую, так и идеальную картину мира, которая может оказать сильное воздействие на адресата, и, следовательно, в сознании слушателя может возникнуть модель мира, несоответствующая реальной картине мира или не совпадающая с мировоззрениями говорящего. Модальность в общественно-политических текстах – это эффективное средство изменения картины мира в сознании общества [Тураева 1994: 105]. Лингвистически модальность выражается употреблением модальных глаголов («мочь», «уметь», «хотеть», «опасаться», и т. д.) и безличными конструкциями («нужно», «необходимо», «следует» и т.д.).

Также, для политического дискурса характерна категория **футуральности**, которую можно определить как – это функционально-семантическая категория, представляющая собой совокупность разноуровневых средств выражения, связанных между собой семантической общностью будущности. При функциональном подходе категория футуральности анализируется как разноуровневое единство, включающее средства выражения, относящиеся к морфологическому, синтаксическому, лексическому и лексико-грамматическому уровням, ядром средств выражения которой являются глагольные формы [Куатова, 2019: 5].

Т.И. Стексова отмечает, что «все обещания естественным образом ориентированы в будущее, и данные обещания имеют конкретные временные границы» [Стексова, 2011: 63]. Так, дискурс российских кандидатов, участвующих в президентской кампании, обращен в будущее посредством выражения намерений, которые имеют временные рамки («Вот будем к этому стремиться... Россия намерена», «внебюджетные фонды обязаны стать...», «никто, кроме нас, не в состоянии разработать» и т.д.).

Ж. Перрез, Ф. Рендур и М. Рёшан, проанализировав глагольных временные формы, выявили то, что граждане и участники теледебатов чаще используют настоящее время, чем парламентарии. Скорее всего, это связано со степенью позиции в ситуации речевого высказывания, однако парламентарии чаще употребляют формы простого будущего и сложного времени, о чем свидетельствует высокий показатель причастий прошедшего времени. Это наблюдение может быть связано с самим характером правительственных заявлений, в которых премьер-министр и парламентарии ссылаются на действия, совершенные (или не выполненные) в течение года или даже действия правительства, направленные на будущее [Perrez, Rendour, Reuchamps, 2019].

Таким образом, глагольные формы способны моделировать желанную реальность, создавать определенную позицию у слушателей путем использования

будущих времен, и иногда прошедших времен для того, чтобы провести параллели с прошлым, проанализировать результаты работы или убедить слушателей в наличии этих результатов,

Помимо особенностей употребления глаголов и местоимений, политическому дискурсу свойственна **номинализация**. Согласно словарю нейролингвистических терминов, номинализация – переход в разряд имен существительных слов из др. частей речи ("пленный" - из прилагательного, "ведущий" - из причастия, "первое" - из числительного) [Прохоров, 2004].

В политическом дискурсе номинализация, основанная на переносе глагола в отглагольное имя наиболее частотна. Политики применяют данное языковое средство в тех случаях, когда необходимо обезличить действие, убрать субъект из повествования, т.е. оставить главное лицо «за кадром». Так, например во фразе «It is not a secret that Arab immigrants suffer insult and abuse» использование существительных insult и abuse (а не соответствующих им глаголов действия) позволяет автору умолчать о субъекте действия [Виноградова, 2010: 97].

В области морфологии набор языковых средств политического дискурса, так же широк, как и его лексико-стилистическое содержание. Основанием для использования морфологических средств также является функция убеждения. Выбор правильной формы местоимения предопределяет общность с народом, выбор правильной глагольной формы обеспечивает доверительные отношения между политиком и аудиторией, превалирование отглагольных существительных помогает политику навязать политическую позицию и заставить аудиторию усомниться в чужой позиции.

2.5.2. Синтаксические особенности

Политический язык уникален и в плане синтаксиса. Логика построения фраз в текстах политической направленности является первостепенной в агитации аудитории. В нашем исследовании мы попытаемся выявить основные синтаксические особенности политического дискурса.

К синтаксическим приемам построения политического текста можно отнести повторы различных уровней (например, синтаксический параллелизм), инверсии, риторические вопросы, восклицания, вводные и уточняющие конструкции, которые являются средствами установления контакта, а также позволяют выразить собственное отношение к высказываемому.

Синтаксический параллелизм – одинаковое синтаксическое построение (одинаковое расположение сходных членов предложения) соседних предложений или отрезков речи [Розенталь, 1985].

Е. А. Никонова выделяет полный и частичный параллелизм. При полном параллелизме структура одного предложения полностью повторяет структуру второго и часто сопровождается повторением отдельных слов (например, «At the time of the meeting Britain was left with few options; if Chamberlain was wrong then war was inevitable. If Chamberlain was right, then war need not follow. As Self argues, Britain had no favorable options if Chamberlain was wrong»). Частичный параллелизм представляет собой повторение синтаксических единиц в пределах одного предложения («Shall we hold on, devoting more time to the idle search for incontrovertible foundations? Shall we dig in, pretending that the foundations of our knowledge are incontrovertible when they are not?»). Параллельные конструкции могут выступать как средства выражения субъективной модальности и используются автором в следующих функциях:

1. усиление коммуникативной и экспрессивной значимости предложения;
2. выделение главной мысли высказывания;
3. убеждение адресата, подталкивание его к принятию точки зрения автора [Никонова, 2018: 437].

Для соблюдения синтаксического равенства в текстах политиков используются также **однородные члены предложения**, при построении которых, по мнению О.С. Иссерс, должно учитываться единство классификационного признака. Члены ряда должны принадлежать к одному уровню обобщения. Манипулятивным приемом является нарушение единства уровня обобщения. [Иссерс, 2011: 146].

Для наиболее успешной коммуникации в речи должны быть четкие смысловые связи, которые отражают последовательность в изложении мысли. Путаное, непоследовательное высказывание не достигает цели, не вызывает у слушателей запланированной выступающим реакции. **Связность** речи политиков выражается разными повторами, словами, обозначающими временные (за время, в течение, после, в продолжение), причинно-следственные отношения (вследствие, как следствие, в результате, в связи с, благодаря, в силу); основание действия (за счет, на основе, в зависимости от, в соответствии с, с точки зрения); сопоставление и противопоставление частей информации (с одной стороны, с другой стороны, однако, напротив, наоборот); способ действия (методом, путем, образом, способом, при помощи, в виде) [Балыхина, Нетесина, 2012: 266].

Иногда для лучшей логики текста, особенно в случаях, когда нужно акцентировать внимание на определенной идее или концепции, используется **инверсия**, под которой стоит понимать нарушение обычного порядка слов в предложении. Для политических текстов свойственна *грамматическая инверсия*, когда изменение порядка слов предполагает изменение значения синтаксической структуры (в вопросительных и вопросительно-отрицательных предложениях), однако стоит отметить, что употребление грамматической инверсии свойственно англоязычному политическому дискурсу («*The American people know what the right choice is. So do I.*» и т.д.). В гораздо большей мере представлена *стилистическая инверсия*, которая предполагает нарушение объективного порядка слов и используется с целью выделения какого-либо компонента или предания предложению особой стилистической окраски («Никогда еще я не видел такой большой толпы», «Лишь тогда я осознал проблему» и т.д.). В тексте аналитической статьи инверсия выступает как средство выражения субъективной модальности и реализует следующие функции:

1. выделение одного из членов высказывания в логическом плане;
2. выделение всего высказывания в целом в эмоциональном плане [Никонова, 2018: 439].

Выбор коммуникативного типа предложения - еще один способ повлиять на восприятие читателя. Из четырех коммуникативных типов предложений (повествовательные, вопросительные, восклицательные, побудительные) наиболее популярны в целях манипуляции **риторические вопросы**, вопросительные предложения, содержащие утверждение (или отрицание), оформленное в виде вопроса, не требующего ответа [Белокурова, 2006]. Спектр воздействия данного синтаксического приема широк, поскольку вопросами можно выразить оппонирование, сомнительность, угрозу, приобщенность и т.д. А. А. Карамова и В.М. Селантьева выделяют следующие типы риторических вопросов в политическом дискурсе:

1. экспрессивное утверждение («Почему Узбекистан считается страной узбеков, Грузия – страной грузин, Армения – страной армян, а Россия – «многонациональным государством?»)
2. экспрессивное отрицание («Эта власть, с кем она останется? На кого она рассчитывает?»)
3. открытый вопрос – вопрос, ответа на который не знает и сам автор («Поэтому наивно полагать, что следующий кризис нас не затронет. Как будем выбираться?»)

4. вопрос-коммуникация – вопрос, приглашающий адресата к совместному обсуждению проблемы («Вот сейчас, почему Европа объединилась? Вы что, думаете, им хочется быть в одном Евросоюзе?») [Каримова, Селантьева, 2016: 169].

Таким образом, речевая манипуляция на грамматическом уровне использует как возможности морфологических категорий и форм, так и синтаксических конструкций и категорий. Если морфология передает различное видение автором ситуации: ответственность ее субъектов за совершение действий, причинно-следственные связи между событиями, важность одного действия на фоне другого, то синтаксис политического текста - конструкции и использование необычных коммуникативных типов предложения - выполняют общую задачу и интенсифицируют высказывание в зависимости от цели и условий коммуникации.

В данном разделе мы выявили технологии реализации дискурсивных практик на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях текста, а также охарактеризовали возможные цели использования различных речевых приемов. Лингвистические компоненты во многом определяют эффективность процесса политической коммуникации: способы речевого воздействия и убеждения в рамках политического дискурса активно претворяются в жизнь, поскольку с их помощью публичное выступление позволяет политику сосредоточить внимание на достигнутых успехах, изложить политические цели, создать позитивный (или негативный) настрой у адресата. И далее мы проанализируем лингвистические средства, используемые в политическом дискурсе N, и опишем его языковой профиль.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В данной главе мы изучили научные работы, посвященные лингвистическим особенностям политического дискурса. Однако перед тем, как подробно описывать функциональные особенности языковых явлений, мы рассмотрели коммуникативные стратегии, свойственные политическим речам. Прежде всего, мы определили основные понятия – «дискурсивная практика», «коммуникативная стратегия». Нам кажется логичным рассматривать дискурсивную практику как совокупность элементов коммуникации (текста, речевые приемы, намерения говорящего, ожидание слушателей, способы передачи информации). В определении коммуникативной стратегии мы согласны с толкованием О. Н. Паршиной, для которой стратегия — это нацеленность речевого акта во определенной коммуникативной ситуации для достижения наиболее нужной коммуникативной цели.

Для выявления типов коммуникативных стратегий мы рассмотрели классификации О.Н. Паршиной, О.Л. Михалевой и Дж. Серля. Однако наиболее точно представлена классификация О.Л. Михалевой, которая выделяет следующие тактики: 1) анализ-«минус»; 2) обвинение; 3) обличение; 4) оскорбление; 5) угроза; 6) анализ-«плюс»; 7) презентация; 8) отвод критики; 9) побуждение; 10) размежевание; 11) обещание. Предложенные учеными стратегии и тактики, на наш взгляд, отражают основные особенности политических текстов. Их анализ позволяет выявить воздействующий потенциал дискурсивных практик. Однако стоит отметить, что реализация тактик определенно зависит от используемых в политической коммуникации речевых приемов и языковых средств.

Далее мы отметили лингвистические средства, формирующие риторiku политического дискурса. В теоретических положениях мы выделили единицы на лексическом, грамматическом и стилистическом уровне. Стилистические особенности политического дискурса рассматриваются различными лингвистами как способы эмоционального воздействия на слушателей. В данном аспекте предлагаются две классификации по языковой природе речевых приемов (Ребуль) и по смысловому наполнению (Морару). По языковой природе стилистические средства следует разделять на ритмические, смысловые, синтаксические и концептуальные. По смысловому наполнению фигуры речи следует разделять на: аналогии, замены, преувеличения, опущения, противопоставления. Однако для большинства стилистических средств свойственно совмещение различных смысловых установок.

Для политического текста характерно наличие разнообразных фигур речи, среди которых наиболее часто встречающимися в лингвистических анализах оказались метафоры, сравнения, эпитеты, ирония, гиперболы и аллюзия. Каждый из выделенных стилистических средств обслуживает различные функции политического дискурса.

Метафоры в политическом дискурсе служат для выражения оценки, упрощения информации, придания тексту экспрессивности, способствование определенному эмоциональному отклику у слушателей (положительную или отрицательную), имплицитность намерений автора дискурса. Частный вид метафоры – сравнение – в политическом дискурсе основывается на схожести черт и признаков, которые не очевидны для сравниваемых предметов или явлений. Для политических метонимий характерна смежность объектов по признакам: «страна – народ», «социальная группа – страна», ««положение в пространстве – политическое объединение людей»», основной функциональностью которых является установление доверительных отношений политика с аудиторией, путем номинализации образа друга и(ли) врага. Эпитеты в политических речах имеют как положительную, так и негативную коннотацию, в зависимости от которой различается цель их употребления: характеристика деятельности политика (положительная коннотация) или критика противоборствующей партии (отрицательная коннотация). Элементы преувеличений (гиперболы) в политических речах придают ее содержанию серьезность, но, как и все стилистические средства в данном виде дискурса, гиперболы также оказывают убеждающую функцию на слушателей, особенно если политику необходимо выразить несогласие по поводу актуальной политической ситуации. Высокая степень гиперболизированности политического текста говорит о том, что политик придает своим высказываниям дополнительные имплицитные значения для реализации конкретной коммуникационной цели.

Также, политическому дискурсу присущи элементы юмора (иронии, каламбуров, сарказма), которые активнее всего употребляются в предвыборных речах для снятия напряженности слушателей, создания непринужденной атмосферы, маркирования принадлежности к социальной группе, на которую обращена речь.

Помимо прочего в стилистике политических дискурсов наблюдается тенденция к интертекстуальности. Так, в частности, аллюзия выстраивает интертекст, для которого характерно изменение контекстуального значения претекста в текст с новым смысловым наполнением. Рассмотрев основные стилистические черты политического дискурса, мы приходим к выводу о том, что для данного дискурса характерна высокая степень стилизованности, а так как разнообразие комбинаций данных языковых средств

разнится от речи к речи, мы понимаем, что для определения их функциональной направленности нужно анализировать контекстное содержание каждого отдельного политического текста.

Среди лексических особенностей политического дискурса мы выделили заимствованные слова, оценочную лексику (просторечные слова, жаргонизмы), афористику (фразеологизмы, эвфемизмы, пословицы и поговорки), идеологемы, употребление которых обеспечивает персуазивную функцию политического дискурса и придает политической речи экспрессивности и эмоциональности. Однако, использование специализированной лексики (идеологемы, политические термины, просторечия, жаргонизмы) не имеют эффекта на восприятие информации слушателями, то есть через данный слой лексики политику довольно трудно добиться расположения аудитории к его политической позиции.

Также, мы изучили теоретические положения, которые фокусируются на изучении грамматических особенностей политического дискурса. В дискурс-исследованиях самыми распространенными морфологическими средствами оказываются прономинализация, употребление глагольных форм (модальность, футуральность), номинализация. Форма личного местоимения влияет на восприятие адресатов, так как политик способен выстроить коммуникацию в зависимости от ее цели: показать соучастность в политическом процессе, настраивать на принятие определенных политических позиций.

Видовременные формы глагола также формируют риторику политического дискурса в соответствии с намерениями автора дискурса. Так, модальные глаголы выражают значения возможности, способности, вероятности, необходимости совершения действия, но не обозначают действие, что говорит о намерении политика не говорить о конкретных действиях, а лишь выстроить потенциальную реальность совершения действий. Употребление прошедших времен носит фактологический характер (констатация произведенных действий в конкретной ситуации), а формы будущего времени используются политиками в агитационных речах для выражения обещаний свершения действий.

В политическом дискурсе номинализация, основанная на переносе глагола в имя существительное используется для обезличивания действия, изъятие субъекта из содержания речи.

Также, в ходе нашего исследования были выявлены следующие синтаксические особенности политического дискурса: синтаксический параллелизм, инверсия, риторические вопросы, восклицания, вводные и уточняющие конструкции. Синтаксис

политического дискурса, выраженный в разнообразии конструкций и использовании различных коммуникативных типов предложения, усиливает речь путем выделения определенных элементов высказывания или перестановки этих элементов в рамках высказывания или за его пределы.

ГЛАВА 3. ЯЗЫКОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕЙ ПОЛИТИКА-ОППОЗИЦИОНЕРА

3.1. Описание корпуса исследования

В данном исследовании мы путем сплошной выборки отобрали 17 текстов публичных выступлений политика-оппозиционера. В состав корпуса вошли тексты по различным тематикам, среди которых можно выделить судебные речи, митинговые речи, речи в суде, публичные высказывания в сети Интернет. Тексты выступлений были взяты с официальных страниц в социальных сетях, а также с сайтов средств массовой информации, в которых они были представлены в полной письменной форме, что облегчило работу над составлением корпуса. Основная направленность речей – критика власти и предложение новых путей решений политических проблем.

Корпусное исследование проводилось на основе программного обеспечения AntConc и Sketch Engine, позволяющие предоставить эмпирические данные выбранного нами дискурса. Так, общий объём корпуса составляет 11 747 токенов (3 847 уникальных словоформ). Данные об объёме каждого текста, включенных в корпус, а также коэффициент лексического разнообразия (TTR) для каждой речи представлены в Таблице 3.2.1.

Таблица 3.2.1. Сведения об объеме корпуса

произведение	количество токенов	количество словоформ	лексическое разнообразие / TTR
1. «Ваш голый проворовавшийся король хочет править до конца»	588	342	0,58
2. «Бойкотирование выборов»	266	189	0,71
3. «Звери задрожали — в обморок упали»	415	295	0,71
4. «Власти было важно доказать: вот смотрите, мы при Путине смогли самолёт сделать.»	430	292	0,68
5. «Кандидаты, которым на нас плевать»	305	214	0,7

6. «О выборах»	362	248	0,69
7. «Такой Мелкий Big Tech»	301	224	0,74
8. «Война коррупции»	265	185	0,7
9. «Оставайтесь свободными»	234	165	0,71
10. «Итоги «голосования». Что делать дальше?»	1732	867	0,5
11. «Речь в ЕСПЧ»	460	264	0,57
12. «Война – производство деспотизма»	476	283	0,6
13. «Речь на Болотной»	1605	644	0,4
14. «Борьба с коррупцией и есть моя экономическая программа»	1196	742	0,62
15. «Россия должна быть не только свободной, но и счастливой»	1737	723	0,42
16. «В историю он войдет как Владимир Отравитель трусов»	603	347	0,56
17. «Они — кучка преступников, временно облеченных властью»	772	441	0,57

Из данной таблицы видно, что тексты выступлений отличаются довольно высоким коэффициентом лексического разнообразия (средний показатель – 0,62). Однако, наибольшее количество уникальных словоформ можно наблюдать в речах, направленных на критику процедуры выборов. Данный вычисления позволили определить коэффициент лексического разнообразия, исследование которого мы основывали на теоретических положениях о лексических особенностях политического дискурса. Для лексического анализа мы разделили лексические единицы на различные пласты лексики и попытались выявить особенности каждого слоя лексики.

Также, при помощи программного обеспечения AntConc вы выделили наиболее частотные слова, среди которых встречаются служебные части речи (и, в, что, на, не, это, с, но, а, у) и личные местоимения (я, мы) (Рис. 3.2.1).

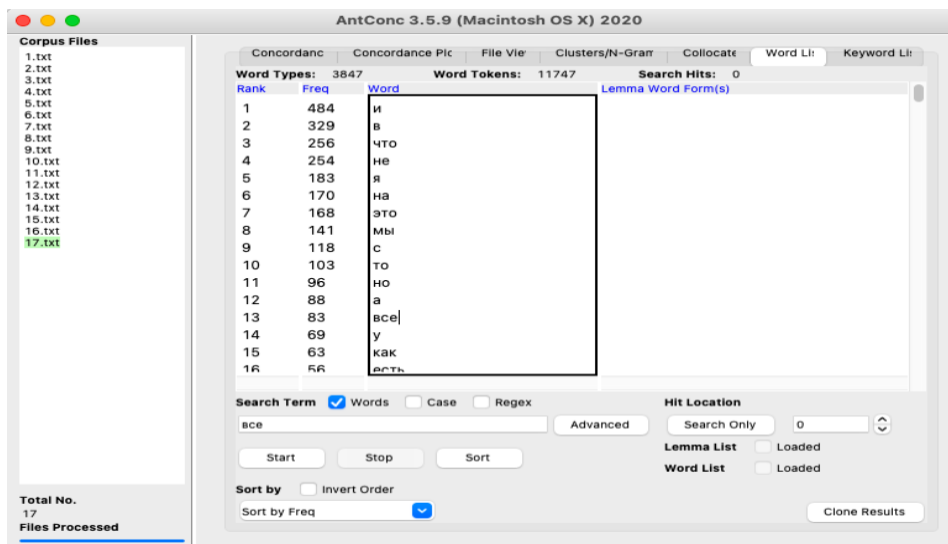

Рис.3.2. Список наиболее частотных слов в приложении AntConc

После применения русскоязычного списка стоп-слов, включающего лексемы-служебные части речи, в перечень наиболее частотных единиц вошли глаголы (есть, будет, было, может, будут), политические концепты (люди, Россия, Путин, выборы, власти), наречия образа действия (просто, конечно) (Рис. 3.2.2).

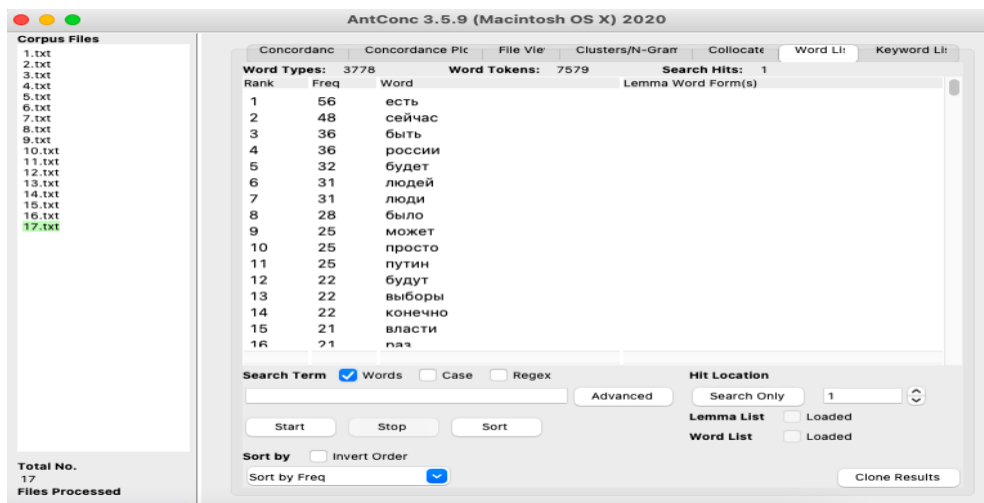

Рис.3.2.2. Наиболее частотные слова после применения списка «стоп-слов».

Из данного анализа становится очевидным, что для описания политических явлений политик использует преимущественно базовые концепции своей политической риторики, которые позволяют утвердить базовые концепции демократического общества. Так, употребление слова «люди» выражает основной признак демократии – народ является единственно легитимным источником власти, то есть таким образом

политик-оппозиционер пытается сконструировать желаемую для него реальность. Также, автор подчеркивает другой признак демократии – сменяемость власти – путем частого использования слов «кандидат», «власти» и «выборы».

Также для того, чтобы получить общее представление о политическом дискурсе, нам кажется логичным выявить ключевые слова корпуса. Для извлечения ключевых слов корпуса мы обратились к разделу Keywords в корпусной поисковой системе Sketch Engine. На базе индекса ключевого слова система выделила 2487 единиц. Среди наиболее распространенных однословных единиц (Рис. 3.2.3.) выявлены различные языковые единицы: глаголы (насытиться, алкать, деградировать, запугивать, недоговаривать), существительные (брюква, суперджеты, телеграм), абстрактные существительные (роспил, фабрикация, обнуление, беззаконие), политические термины (митинг, коррупция, ультиматум, подтасовка, деспотизм), имена собственные (Путин, Навальный, Тихоновская, Памфилова, Собчак).

Word	Word	Word	Word
1 брюква	14 роспила	27 запугивать	40 подтасовка
2 навалный	15 отравитель	28 фальшивка	41 ультиматум
3 роспил	16 памфиловой	29 еспч	42 деспотизм
4 насытиться	17 файеры	30 недорабатывать	43 жулик
5 роsgвардия	18 вранье	31 путинской	44 укрепление
6 тихановского	19 путинских	32 обнуление	45 ксениюсобчак
7 telegram	20 деградировать	33 митинг	46 воров-окупантов
8 суперджеты	21 памфилова	34 пенек	47 интернет-монополистами
9 навалного	22 окупационный	35 беззаконие	48 брюква-то
10 алкать	23 антикоррупционный	36 несправедливость	49 мухлюющего
11 суперджет	24 tech	37 коррупция	50 невыходах
12 суперджетов	25 фабрикация	38 big	
13 суперджета	26 нас-то	39 прокричать	

Рис 3.2.3. Top-50 однословных ключевых единиц корпуса.

Таким образом, однословные ключевые единицы корпуса речей N разнообразны по своей морфологической принадлежности (глаголы, существительные, прилагательные) и по коммуникативной направленности (оценочные слова с негативной коннотацией), однако на данном этапе сложно выявить стратегическую направленность данных единиц, поскольку требуется более точный анализ на различных уровнях языка (стилистике, лексике, грамматике), который мы представим далее. Для решения поставленной задачи мы проанализировали грамматические особенности политического дискурса, исходя из положений теоретической части исследования.

В связи с тем, что дискурс выходит за рамки понятия «текст», необходимо также провести стилистический анализ речей, для достоверности результатов которого мы опирались на вышеизложенные положения и постарались выявить стилистические средства, не описанные в теоретической части. Все выбранные единицы анализа (стилистические, лексические, грамматические) представляют собой основу формирования дискурсивных практик и приобретают новые значения в рамках политических реалий.

3.2. Лексические особенности дискурса политика-оппозиционера.

Установление стилистических особенностей способствует лучшему пониманию политического дискурса, однако значительную ценность в речах политика-оппозиционера имеет лексика. Для подтверждения нашей гипотезы о том, что политическому дискурсу присуща не только информативность, но и большая экспрессивность и эмоциональность, мы провели поиск наиболее встречающихся лексических единиц в системе корпусных исследований Sketch Engine и разделили их на три крупные морфологические категории (существительные, глаголы, прилагательные). Так, наиболее часто встречающиеся существительные с указанием частоты употреблений представлены на рисунке 3.2.1.

Lemma	Frequency	Lemma	Frequency	Lemma	Frequency	Lemma	Frequency
1 человек	96	14 голосование	19	27 тысяча	14	40 самолет	9
2 россия	61	15 результат	19	28 кампания	13	41 причина	9
3 страна	53	16 победа	18	29 слово	13	42 большинство	9
4 власть	44	17 москва	18	30 разрешение	13	43 брюква	9
5 путин	43	18 вещь	17	31 суд	13	44 часть	9
6 выборы	39	19 борьба	17	32 акция	12	45 конец	9
7 год	38	20 кандидат	17	33 правда	12	46 санкция	9
8 коррупция	30	21 право	16	34 день	11	47 участие	8
9 дело	28	22 жизнь	16	35 деньга	11	48 избиратель	8
10 митинг	28	23 вопрос	16	36 государство	10	49 рейтинг	8
11 работа	26	24 закон	15	37 кремль	10	50 реформа	8
12 раз	25	25 голос	15	38 система	9		
13 время	20	26 миллион	14	39 сила	9		

Рисунок 3.2.1. Top-50 имен существительных в дискурсе N

Из данных, представленных в Sketch Engine, можно отметить лексические особенности данной части речи. Основу лексики политика-оппозиционера составляют **общеупотребительные слова** (страна, человек, год, дело, работа, раз, время, результат, победа, вещь, борьба, жизнь, вопрос, голос, правда, деньги, система, сила, причина, часть, конец и др.). Значительную часть лексики речей политика составили **политические термины** (власть, выборы, кампания, коррупция, митинг, голосование, кандидат, реформа, государство, санкция, избиратель) и **юридические термины** (право,

закон, суд, разрешение). Малую часть составляют лексические единицы, описывающие фактологические данные, однако небольшое их количество компенсируется высоким уровнем частотности в корпусе. Среди таких единиц можно выделить Путин, Россия, Кремль. Иначе говоря, мы можем сделать вывод о том, что риторика политика обладает, с одной стороны, большим присутствием терминов, которая позволяет политику наполнить политическую речь фактической информацией, но с другой стороны, апеллирует общеупотребительными словами, которые позволяют политику высказать свою позицию и приобщить к ней свою аудиторию.

Проанализировав частотность употребления глагольных форм, мы выявили следующие единицы (Рис. 3.2.2.):

Lemma	Frequency ? ↓	Lemma	Frequency ? ↓	Lemma	Frequency ? ↓
1 быть	217 ...	18 происходить	12 ...	35 стоять	8 ...
2 хотеть	54 ...	19 получать	12 ...	36 жить	8 ...
3 мочь	50 ...	20 пытаться	12 ...	37 участвовать	8 ...
4 сказать	39 ...	21 видеть	12 ...	38 просить	7 ...
5 говорить	33 ...	22 признавать	12 ...	39 пойти	7 ...
6 знать	33 ...	23 смотреть	11 ...	40 приходить	7 ...
7 делать	31 ...	24 давать	11 ...	41 писать	7 ...
8 сделать	27 ...	25 думать	11 ...	42 помогать	7 ...
9 понимать	21 ...	26 бороться	11 ...	43 чувствовать	7 ...
10 работать	20 ...	27 голосовать	10 ...	44 воровать	7 ...
11 становиться	16 ...	28 написать	9 ...	45 иметь	6 ...
12 бояться	16 ...	29 побеждать	9 ...	46 выходить	6 ...
13 верить	14 ...	30 выступать	9 ...	47 врать	6 ...
14 прийти	14 ...	31 победить	9 ...	48 добиться	6 ...
15 сидеть	13 ...	32 считать	9 ...	49 продолжать	6 ...
16 поддерживать	13 ...	33 стать	9 ...	50 посадить	6 ...
17 идти	12 ...	34 проводить	9 ...		

Рисунок 3.2.2. Топ-50 глаголов в дискурсе N.

Далее, обратившись к экспериментальному синтаксическому словарю под ред. Л. Г. Бабенко, из наиболее частотных глаголов мы выделили следующие семантические группы:

1. Глаголы социальной деятельности (пытаться, участвовать, добиться, бороться, голосовать, воровать, работать, проводить)
2. Глаголы интеллектуальной деятельности (думать, видеть, знать, считать, понимать, смотреть, признавать.)
3. Глаголы бытия и качества (быть, сидеть, стоять, продолжать, становиться, происходить, чувствовать, бояться)
4. Глаголы речевой деятельности (сказать, говорить, выступать, врать, просить)
5. Глаголы движения (выходить, идти, прийти, приходить)
6. Глаголы социальных отношений (побеждать, поддерживать, помогать).

Данная классификация дает нам точное представление о лексических особенностях политического дискурса оппозиционера, для которого, как и для большинства политических дискурсов, характерно употребление полисемических глаголов, которые способны расширять языковые возможности дискурса неограниченным количеством смыслов. Следовательно, тексты политика обладают высоким уровнем лексического разнообразия и определяет способ репрезентации политического мнения и(ли) информации. Преимущественное использование глаголов социальной деятельности позволяет автору установить контакт с аудиторией путем включения политика в социальные процессы, а использование глаголов интеллектуальной деятельности – призвать аудиторию к принятию определенной политической позиции

Также, в наше исследование мы включили особенности употребления прилагательных в политических речах, однако тут стоит отметить, что наибольшей трудностью в нашем исследовании оказалось разграничение лексических и стилистических средств, так как проанализированный материал показал большое количество эпитетов, которые формально являются именами прилагательными. На данном этапе мы также составили список частотных прилагательных в речи политика, полученные результаты представлены на рисунке 3.2.3.

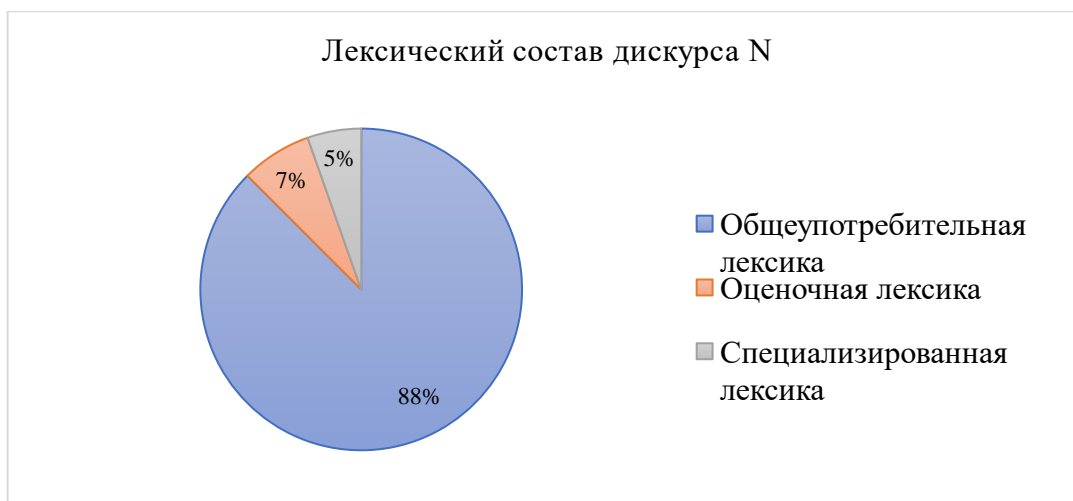
adjective (409 items 948 total frequency)											
Lemma	Frequency ? ↓	Lemma	Frequency ? ↓	Lemma	Frequency ? ↓						
1	политический	39	...	18	единый	8	...	35	конкретный	5	...
2	должный	38	...	19	равный	7	...	36	русский	5	...
3	важный	24	...	20	богатый	7	...	37	умный	5	...
4	последний	21	...	21	свободный	7	...	38	государственный	5	...
5	большой	20	...	22	голый	7	...	39	популярный	5	...
6	новый	17	...	23	уголовный	6	...	40	маленький	5	...
7	хороший	16	...	24	честный	6	...	41	плохой	5	...
8	российский	12	...	25	навалый	6	...	42	нужный	5	...
9	европейский	12	...	26	независимый	6	...	43	судебный	5	...
10	огромный	11	...	27	высокий	6	...	44	разный	4	...
11	нормальный	11	...	28	счастливый	6	...	45	национальный	4	...
12	главный	10	...	29	единственный	6	...	46	бедный	4	...
13	избирательный	10	...	30	сложный	5	...	47	скорый	4	...
14	настоящий	10	...	31	худой	5	...	48	рад	4	...
15	простой	9	...	32	готовый	5	...	49	великий	4	...
16	реальный	9	...	33	личной	5	...	50	небольшой	4	...
17	далекий	8	...	34	одинокий	5	...				

Рисунок 3.2.3. Топ-50 имен прилагательных в дискурсе N.

В состав наиболее употребительных прилагательных вошли прилагательные, обозначающие оценку (важный, хороший, нормальный, настоящий, умный, плохой и др.), размер (большой, огромный, маленький, высокий), назначение (политический, избирательный, национальный, государственный, судебный, уголовный и др.), место (российский, русский, европейский, далекий и др.), эмоции (счастливый, несчастный), черты характера (честный, справедливый). Самые частотные прилагательные имеют нейтральные значения, следовательно, можно предположить, что политик больше склонен выражать эмоциональную оценку при помощи других средств.

Полученные данные дают общее представление о лексических особенностях дискурса политика-оппозиционера, однако для более полного представления лексических средств нам кажется необходимым провести полный анализ лексических единиц. Путем вычитки исследуемого материала мы определили лексические средства в соответствии с изложенными в теоретической части исследования положениями. Результаты анализа представлены на Диаграмме 3.2.1.

Диаграмма 3.2.1. Лексический состав дискурса N

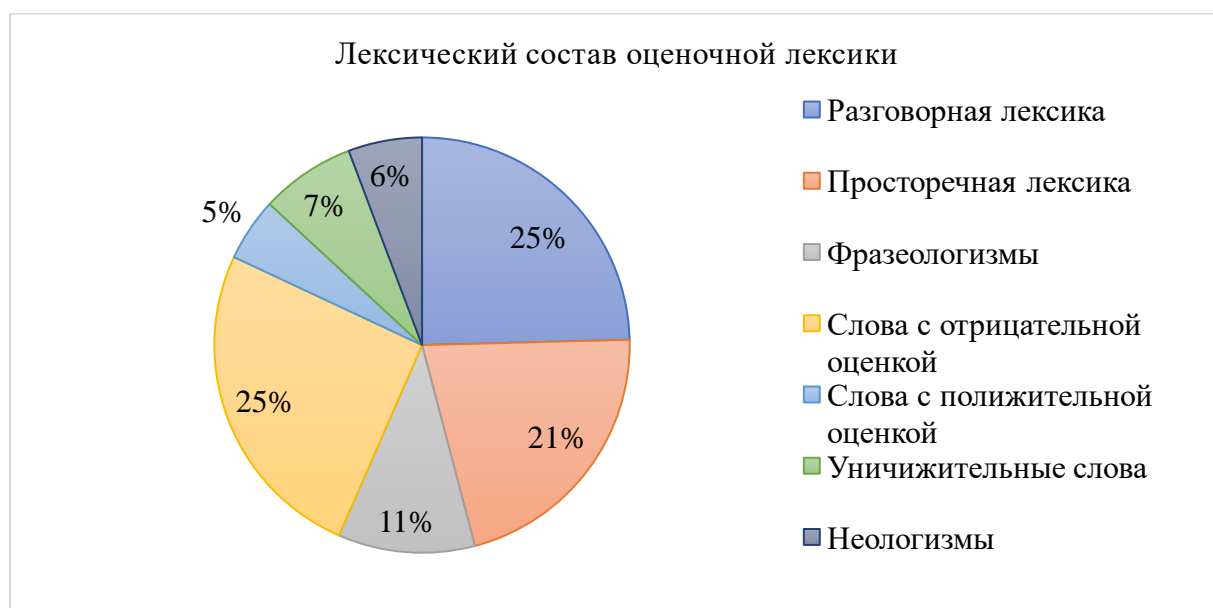
По характеру лексические единицы делятся на общепотребительные (88%), специализированные (5%) и оценочные (7%). Из полученных данных видно, что основу дискурса составляет общепотребительная лексика (2057 единиц), значения которой не обладают дополнительными эмоциональными коннотациями и не находят своего отражения в терминологических полях. Однако, стоит отметить, что данная категория обладает пластом идеологем (105 единиц), которые в речи политика выражены в форме:

- a) абстрактных существительных, обозначающих процесс и его стадии («результат», «подготовка», «победа», «тактика», «стабильность», «обстоятельства», «возможность», «действие» и др.)
- b) абстрактных существительных, обозначающих качества («деспотизм», «правота», «поддержка», «злоба», «осознание», «гордость», «свобода», «несправедливость», «обреченность» и др.)
- c) двучленных номинативных оборотов («поддержка акции», «стандарт политики», «требования Кремля», «манипуляция фактами», «план спасения», «право голоса», «демонстрация силы», «инструмент удержания власти», «символ борьбы» и др.)
- d) атрибутивных словосочетаний («политическая машина», «политическая жизнь», «честные выборы», «политическое унижение», «провластные движения», «общественный консенсус», «неравный доступ», «стратегическая цель» и др.)

Идеологемы употребляются в речи для обозначения разных коммуникативных целей. Так, например, атрибутивные словосочетания позволяют в большей мере выразить политику-оппозиционеру свою позицию, обозначить политические проблемы и предложить пути к их разрешению. Абстрактные существительные и двучленные словосочетания используются как для подтверждения собственной позиции, так и для отрицания позиции оппонента.

Вторым крупным пластом лексики речей политика-оппозиционера является оценочная лексика, которая способствует созданию у аудитории определенных эмоций (отрицательных или положительных) при помощи личного определения существующих явлений в ситуации политической коммуникации. В нашем исследовании мы представили классификацию оценочной лексики, используемой в речах политика. Результаты анализа представлены на диаграмме 3.2.2.

Диаграмма 3.2.2. Лексический состав оценочной лексики

Из диаграммы становится понятным, что оценочная лексика (162 единицы) в дискурсе обладает разнообразными формами языковой реализации. Самыми продуктивными лексическими группами оказались разговорная лексика (25%), просторечная лексика (21%) и слова с отрицательной оценкой (25%). Меньше всего употребляются слова с положительной оценкой (5%).

Слова с отрицательной оценкой в дискурсе представлены словами литературной нормы, которые подчеркивают негативное отношение политика к политике оппонента или политической ситуации («агрессивный», «алчный», «глупый», «вредный», «бессмысленный», «губительный», «злодейский», «лживый» и др.)

Разговорная лексика представлена словами литературного языка, которые в определенном контексте приобретают новые значения (часто негативные). В языке

политика разговорная лексика выражена глаголами и глагольными словосочетаниями («сорвать голосование», «обнаглеть», «подставлять», «деградировать», «размазать», «прокатить», «заткнуть рот» и др.), речевыми клише («промытые мозги», «ворующий миллионами», «оскорбительное поведение» и др.)

Просторечная лексика выражается в употреблении междометий («аж», «ну», «вау», «ни черта», «пофиг», «мол»), жаргонизмов («чувак», «шконка», «зэк», «нерд», «скоты»), глаголов («пахать», «упечь», «рулить», «переть», «плевать»). Данный пласт лексики обеспечивает автора дискурса возможностью критиковать власть, выражать свое мнение, тем самым показать публике свою к ним близость.

Также, политик-оппозиционер использует в своей речи устойчивые словосочетания – фразеологизмы («морочить голову», «хранить молчание», «свернуть в бараний рог», «вводить в заблуждение», «верить в бога», «дежурная фраза», «перегрызть глотку», «не купить за деньги» и др.). Данный тип лексики используется в основном для критики власти.

Помимо прочего, оппозиционер использует уничижительную лексику, которая выражается в употреблении слов с уничижительными суффиксами -ка, -ек, -ищ («кучка», «кричалка», «чиновничек», «позорище») и служит для критики политической позиции оппонента.

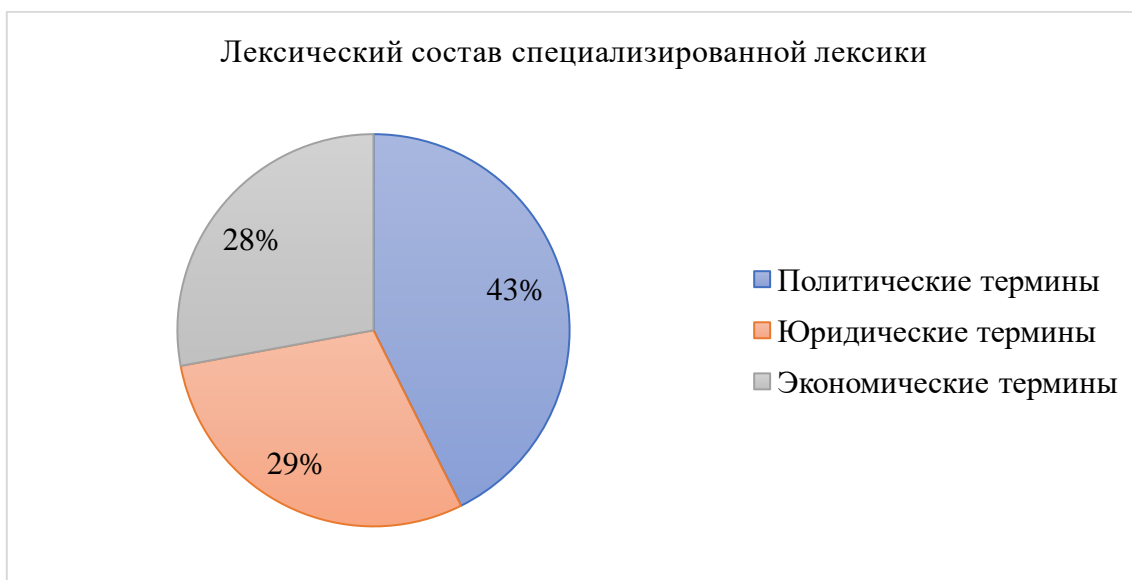
В речах политика были найдены случаи неологизмов путем перехода имен собственных в разряд имен нарицательных («усмановы», «чубайсы», «сердюковы», «ротенберги»):

«Самое действенное и то, чего Путин боится больше всего. Улицы. Ни он, ни Мишустин, ни Медведев, ни все эти чубайсы, ротенберги, сердюковы и усмановы не уйдут, пока мы не начнем выходить на улицы сотнями тысяч и миллионами» [107, 2020].

Как мы можем видеть из данного примера автор точно выделяет образ «врага» именами собственными тех политических деятелей, которые занимают наиболее руководящие позиции (Путин, Медведев, Мишустин), а для обозначения соратников оппонента политик намеренно использует имена нарицательные, реализуя тактику анализ «минус», подчеркивая свое небрежное отношение к тем, кто находится при действующей власти.

Третьим крупным пластом лексики речей политика является специализированная лексика, которая представлена следующими категориями (Диаграмма 3.2.3).

Диаграмма 3.2.3. Лексический состав оценочной лексики

Анализ специализированной лексики, показал, что из 128 единиц большинство используемых в речах терминов принадлежит полю «политика» (43%), которое связано с политическим дискурсом непосредственно, а термины из экономики (28%) и юриспруденции (29%) косвенно связаны с терминами политики. Политическая лексика позволяет политику предоставлять специфичную информацию для объяснения политических процессов и позиций.

Политическая лексика представлена различными семантическими группами: политические режимы и течения («авторитаризм», «меритократия», «оппозиция»); политические процессы («внутренняя политика», «забастовка», «переговоры», «реформа», «правление», «референдум», «радикализация» и др.); политические институты («независимая организация», «партия», «государство», «госкомиссия», «Европейский союз», «ЕСПЧ (Европейский суд по правам человека)» и др.); общественно-политические деятели («президент», «госслужащий», «губернатор», «мэр», «иностранный агент», «оппозиционер», «экстремист») и термины электоральной политики («выборы», «голосование», «избиратель», «агитация», «дебаты», «избирательная кампания» и др.).

Юридическая лексика выражается в следующих семантических категориях: правовые процессы («арест», «исполнение», «необратимость наказания», «полномочие»), законодательные процессы («акт», «закон», «поправка»), судебные процессы («рейд», «СК», «расследование», «приговор», «суд», «уголовное дело») участники правового процесса («адвокат», «юрист», «прокурор», «судья» и др.), названия преступлений («убийство», «взятка», «коррупция», «терроризм»).

Семантические группы экономической лексики также разнообразны. В результате анализа мы выделили лексические единицы, обозначающие работу

предприятий («бизнес», «производство», «производительность труда»), финансовые процессы («госзакупка», «капитализация», «коммерческая эксплуатация», «компенсация», «экономический рост», «рынок», «доходы», «убытки», «финансирование», «финансовый мониторинг»), участников экономических процессов («олигарх», «монополист»).

Из всего выше сказанного мы можем сделать вывод о том, что употребление общеупотребительной, оценочной и специализированной лексики делает дискурс довольно эффективным. Оценочная лексика оживляет речь, привносит в нее элементы живого разговорного языка и тем самым способствует установлению тесного контакта между выступающим и слушателем, а употребление терминологических единиц позволяют формировать реальность исследуемого дискурса – политику, поскольку конкретизирует процессы через объективные элементы внеязыковой действительности. Умение совмещать в своих речах оценочную, специализированную и общеупотребительную лексику позволяют политику подобрать наиболее точное выражение своих идей в конкретной речевой форме. К тому же, лексика выполняет ряд коммуникативных задач: 1) предоставление объективной информации о политической жизни общества (специализированная лексика), 2) выражение собственной позиции, сближение с аудиторией, 3) критика власти (оценочная лексика) и 4) обозначение путей решения проблем (общеупотребительная лексика).

3.3. Грамматические особенности дискурса политика-оппозиционера

Изучение политического дискурса не ограничивается стилистикой и лексикой, поэтому для того, чтобы решить поставленные задачи, мы проанализировали те грамматические особенности (морфология и синтаксис), которые были нами описаны при изучении теоретических источников, и выделили их основные коммуникативные функции в дискурсе политика-оппозиционера.

В первую очередь, мы будем рассматривать морфологические особенности политического дискурса N: употребление местоимений, модальность глаголов, безличные конструкции, видовременные формы глагола, номинальные конструкции.

Для того, чтобы определить особенности употребления местоимений в дискурсе N, мы обратились к корпусной системе Sketch Engine. Через инструмент Wordlist мы выявили наиболее частотные местоимения (Рис.3.3.1):

Lemma (Lowercase)	Frequency	Lemma (Lowercase)	Frequency
1 я	253	11 весь	65
2 мы	209	12 наш	57
3 это	177	13 такой	52
4 этот	147	14 свой	38
5 тот	109	15 что	32
6 вы	108	16 каждый	32
7 они	107	17 мой	31
8 он	89	18 самый	31
9 который	87	19 себя	31
10 все	74	20 кто	29

Рисунок 3.3.1. Top-20 местоимений в дискурсе N

В таблице представлены леммы наиболее частотных местоимений, то есть показатели учитывают все формы слова. Так, наиболее употребительным местоимением является местоимение 1 лица единственного числа «Я» (253 упоминания), которое служит в политическом дискурсе для обозначения превосходящей позиции говорящего, демонстрации более высокого социального статуса или присвоении себе права навязывать свои оценки. Однако, стоит отметить, что вторым по употребительности местоимением является местоимение «мы» (209 упоминаний), что на самом деле, не сильно разнится с частотностью употребления местоимения «я». В связи с этим становится довольно трудно определить его политическую позицию, но можно предположить, что такая двойственность употреблений личных местоимений говорит о политике, как о приверженце популизма - адресованной к широким массам политики, обещающая им скорое и лёгкое решение проблем.

Для определения функций данных местоимений мы решили воспользоваться инструментом Concordance и изучить все примеры употреблений. Функции употребления местоимений «я» и «мы» в дискурсе N представлены в Таблице 3.3.1.

Таблица 3.3.1. Функции употребления местоимения «я» и «мы»

Функция	Частотность	Пример
1) Выражение позиции	49 %	« Я думаю, конечно, что теперь это наше общее имя и это наша галочка в бюллетене» [100, 2013].
	33 %	«С другой стороны, мы же понимаем, что они попытаются нас обмануть» [100, 2013].

2) Констатация факта	35%	«Это вполне уместная аналогия: мне 41, а последние выборы не Путина я наблюдал, когда мне было 20»
	27%	«К примеру, в это воскресенье нам предложили провести акцию в лесу в парке Сокольники» [101, 2017].
3) Описание политических действий и агитация	15%	«Поддержать меня , если я ваш кандидат. Я лично делал расследования о его виллах в Испании и гостинице в Черногории» [101, 2017].
	32%	«И либо мы будем сами сгонять друзей, знакомых, родственников, соседей голосовать не хуже, чем Путин сгоняет бюджетников, либо Единая Россия опять выиграт» [107, 2020].
4) Безличное «я»/«мы»	1%	«В формате " я хотя бы попытался" есть одно полезное действие...» [106, 2020].
	8%	«Алексей, ну ты игнорировал <...> но пытаешься нам доказать, что выборы важнее и мы должны на них пахать» [107, 2020].

Употребления местоимения «я» обосновывается желанием автора обозначить личностное отношение к политической ситуации и подтвердить свою позицию конкретными действиями. Местоимение «мы» используется в основном как «мы инклюзивное» для агитационных целей, для создания общности будущего и приобщения к политическим действиям. В большей степени местоимение «мы» употребляется для обозначения чужого мнения, мнения оппонента (8%), тогда как «я» используется в качестве передачи чужого мнения, не уточняющего его автора.

Помимо прочего для агитационных целей используется местоимение «вы» (108 упоминаний), поскольку автор выделяет некоторую категорию людей, не принимающих его позицию, для обоснования правильности своей позиции. Для создания образа «врага» в корпусе часто употребляется местоимение «они» (107 упоминаний).

Помимо местоимений, в политическом дискурсе важна модальность текста. В связи с этим, мы считаем необходимым проанализировать морфологические элементы модальности, к которым мы отнесли глаголы с модальным значением, безличные

конструкции и модальные слова (наречия, выражающие отношение). Для получения эмпирических данных мы обратились к инструментам Wordlist и Concordance системой корпусных исследований Sketch Engine. Проанализированные элементы модальности были выделены и сгруппированы по функциям (Таблица 3.3.2)

Таблица 3.3.2. Модальность в дискурсе N

Функция	Лемма	Частотность
1) Выражение намерений автора дискурса	хотеть	36
	должен	4
	мочь	14
2) Выражение намерений оппонента	хотеть	18
	мочь	17
3) Выражение долженствования	должен	4
4) Выражение уверенности говорящего в истинности событий	конечно	22
	безусловно	4
	точно	4
5) Выражение оценки действий	мочь	20
	кажется	5
6) Выражение призыва к действию	надо	6
	нужно	13

Из данной таблицы мы можем сделать вывод о том, что модальность речей N не обладает большим количеством элементов. Однако, выражения модальности выполняют ряд функций, среди которых самими продуктивными являются выражение намерений автора дискурса и его оппонента, что позволяет создать выгодную для политика коммуникацию. С морфологической точки зрения самая продуктивная по функциям и количеству группа – глаголы с модальным значением (мочь, хотеть) и наречие усиления (конечно).

Также, выбор определенных видовременных глагольных форм способствует формулировке определенного политического дискурса. Для того, чтобы доказать разнообразие временных форм эмпирическим путем, мы обратились к инструменту Concordance корпусной системы Sketch Engine. Мы выявления форм глаголов мы применили непрерывный язык запроса CQL (Contextual query language). При помощи частиречных тегов русского языка мы составили запросы, определяющие наклонение, временные формы, вид и залог. Результаты анализа представлены в таблице 3.3.3.

Таблица 3.3.3. Особенности употребления глаголов

Структурный тип анализа	Количество употреблений	Частотность в корпусе
Изъявительное наклонение	1236	8,5 %
Повелительное наклонение	63	0,43 %
Условное наклонение	41	0,28 %
Настоящее время	644	4,4 %
Прошедшее время	381	2,6 %
Будущее время	211	1,5 %
Совершенный вид	113	0,7 %
Несовершенный вид	404	2,7 %
Активный залог	856	5,8 %
Пассивный залог	22	0,15%
Возвратный залог	128	0,9 %
Инфинитив	451	3,1 %
Причастие	131	0,9 %
Деепричастие	26	0,18 %

С формальной точки зрения основную часть глаголов в дискурсе N можно охарактеризовать как глаголы изъявительного наклонения несовершенного вида настоящего времени активного залога. Остальные категории представлены в дискурсе политика-оппозиционера, но частотность их употребления значительно реже. Так как политический дискурс подразумевает наличие контекстной ситуации, предоставленного анализа недостаточно для описания глагольной системы речей N, однако на его основе возможно рассмотрение функциональных особенностей обнаруженных глагольных категорий.

Выполнив функциональный анализ глагольных форм, мы выявили особенности грамматики дискурса N. Так, глаголы в повелительном наклонении используются в целях агитации («делайте», «зовите», «выступай», «призывай» и др.), условное наклонение – для выражения гипотетического будущего при политической активности слушателей («было бы очевидно», «привело бы» и др.), изъявительное – для описания действий политика и его оппонентов («голосовал против», «предлагаю план»).

Глаголы настоящего времени направлены на описание политических процессов для того, чтобы слушатель имел возможность понимать основы политической системы («существует закон», «так подсчитываются голоса», «доходы населения снижаются» и т.д.). Формы будущего времени направлены либо на указание гипотетических действий

автора дискурса («все пойдём и проголосуем против», «мы сделаем больше расследований», «мы сделаем это», «мы обязательно победим» и т.д.), либо на указание потенциального будущего при «победе» оппонента («они не будут регистрировать», «тысячу человек задержат», «украдут голоса» и т.д.). Глаголы в прошедшем времени помогают автору подчеркнуть выполненные или не выполненные действия («Я голосовал "против"», «мы получали такое разрешение», «мы все этого и добились» и т.д.), выделить действия, свершенные оппонентом («Путин <...> отменил все наши гарантии», «Путин проиграл», «Путин решил легализовать» и т.д.).

Активный залог используется для описания действий политиков («Я второй раз выступаю на митинге», «На этом рейтинге Путин и правит»), пассивный залог отражает потенциальные, но не реализованные действия неизвестного агенса («Россия должна быть захвачена, а русские должны быть обращены в рабов...»). Преобладание глаголов несовершенного вида в дискурсе N говорит о большем стремлении автора к описанию процессов политических действий, а не указание на их результат.

Таким образом, глаголы в дискурсе N имеют различные видовременные формы, однако их употребление ограничивается теми же функциями, которые используются автором дискурса в выборе средств стилистики и лексики.

Для того, чтобы полностью рассмотреть морфологические особенности дискурса N мы решили проанализировать номинальность текстов. Прежде всего, проведя сравнительный анализ глаголов и существительных в корпусной системе Sketch Engine, мы определили, что количество существительных (2 865 единиц) в 1,5 раза больше, чем глаголов (1 907 единиц), следовательно речи N свойственны номинальные конструкции. Затем составив CQL запросы, мы выявили типичные номинальные конструкции в дискурсе N:

- 1) двучленные генетивные обороты (359 единиц) – «мнение граждан», «явка людей», «большинство стран» и т.д.
- 2) трехчленные генетивные обороты (54 единицы) – «цифра прогноза результата», «условие роста экономики», «усилия корпорации жуликов» и т.д.
- 3) двучленные именные обороты с предложной связью (176 единиц) – «Путин у власти», «шансы на изменения», «призыв на митинг», «разрешение на митинг» и т.д.

В отличие от теоретических положений нам не удалось найти случаи номинализации, но использование номинальных конструкций является основным морфологическим средством построения дискурса N. Из результатов данного анализа становится понятно, что номинальные структуры используются политиком чаще

глагольных выражений и описывает действия и процессы путем обезличенности автора дискурса. Номинальные конструкции позволяют автору формулировать мысль в более лаконичной форме, с помощью которой привносится фактологическая информация описываемой автором части знания (политики). Таким образом, мы видим, что морфологически дискурс N характеризуется высокой частотностью номинальных конструкций (языковая экономия для описания процессов и явлений), употреблением модальных глаголов (потенциальность, уверенность, гипотетичность для реализации тактики обещания и убеждения), глаголов изъявительного наклонения (построение потенциального будущего, отсылание к (не) свершившимся событиям), глаголов повелительного наклонения (для призыва к действиям).

Однако для того, чтобы представить полную характеристику дискурса N нужно также рассмотреть синтаксические особенности, которые мы выделили в теоретической части исследования. По цели высказывания в речах N встречаются повествовательные (915), вопросительные (57) и побудительные (43) предложения. Несмотря на то, что основу речей составляют повествовательные предложения, в данном исследовании наибольший интерес представляют риторические вопросы и восклицания, которые также нашли свое отражение в формировании дискурса политика, но в значительно меньшей мере.

Риторические вопросы направлены на:

1) выражение приобщенности народа к политике («Мы верим друг другу?», «Скажите, кто здесь власть?», «По вашему мнению, это митинг победы или поражения?»)

2) критики действующей власти («Куда все это пропало?», «Так почему же за 12 последних лет мы не имели серьезных успехов в этом направлении?», «Ну какое же это голосование?»)

3) выражение мнения оппонента («Боже мой, что будет, будет революция, какие-то кошмары, из этой серии?», «Куда ты против нас лезешь?»)

Восклицания обусловлены стремлением автора дискурса выразить свое отношение к сторонникам («Я благодарю вас, что вы сюда пришли!», «Я вас очень ценю!», «Спасибо вам еще раз, друзья мои!») и описать свою политическую позицию («Я стою сейчас на митинге, где, просто констатирую, в России родилась большая Оппозиция!», «И мы – это политическое движение!», «Наше дело правое, мы победим!»)

Для повествовательных предложений характерно обильное употребление однородных членов предложения, часть из которых используется для реализации

различных тактик общения. Так, например, высказываясь о политике оппонента N говорит следующее:

«Они дают Путину рейтинг поддержки, голоса и, как он считает, право отнимать наши голоса.» [107, 2020]

В данном примере однородные дополнения используются N для применения тактики размежевания (они – наши) и обвинения (рейтинг поддержки, голоса, право отнимать).

Также, описывая свои действия, автор дискурса прибегает к однородным сказуемым. В политической борьбе N иногда говорит о том, что какие бы действия не предпринимались, изменение ситуации остается сложной задачей:

«Я ему тоже постоянно говорю, повторяю, пишу в ответ, скандирую на митингах, но я постоянно думаю, что чего-то мне не хватает.» и т.д.)» [111, 2021]

В этом случае реализуется стремление N использовать тактику анализ «минус», отображающую или позволяющую отобразить негативное отношение автора к сложившейся ситуации.

С синтаксической точки зрения в корпусе было обнаружено 15 случаев однородных подлежащих («"Суперджет" моё детище, достижение моей власти, я в него верю...»), «Любой – полицейский, программист, журналист, кто угодно – все получают гораздо меньше.» и т.д.), 15 случаев однородных дополнений («Чистым от коррупции государствам – Австралии, Канаде, Норвегии, Чили – природные богатства помогают развиваться.», «И либо мы будем сами сгонять друзей, знакомых, родственников, соседей голосовать не хуже, чем Путин сгоняет бюджетников, либо Единая Россия опять выиграет.» и т.д.), 12 случаев однородных сказуемых («<...> Фонд борьбы с коррупцией остановится, прекратится, замедлится, придет в упадок или что-то с ним случится <...>») и 13 случаев однородных определений («По единственной причине: маразматичные, косные, глупые (но злые и хитрые) деды из Кремля каждый день выменивают достойную, богатую жизнь...»). Разнообразие однородных частей предложений помогают N в его политической коммуникации оказать влияние на слушателя, побудить его к действию путем интенсификации высказывания и использования тактик обвинения (в описаниях политической ситуации) или обещания (в предвыборных речах).

Третьей синтаксической особенностью дискурса N являются параллельные синтаксические конструкции - конструкции, близкие по значению, но выраженные различными синтаксическими единицами [Розенталь, Теленкова, 1985]. Однако их количество в корпусе не значительно. Большинство используемых параллельных

конструкций реализуются в условных, относительных и бессоюзных сложных предложениях.

Как и другие языковые средства, параллельные синтаксические конструкции реализуют целый ряд функций. Так, например, параллелизм условных предложений обосновывается стремлением политика убедить в своей позиции слушателей и призвать их к действиям. Такой тип предложений чаще всего встречается в предвыборных речах:

«Поддержать меня, если я ваш кандидат. Поддержать саму идею политической конкуренции, если вы в чем-то со мной не согласны.» [101, 2017]

Также в выступлениях N используются параллельные конструкции относительных предложений или их частей. В найденных примерах основной функцией является – тактика обличения, которая в большей степени распространена в митинговых речах:

«Демонстративное беззаконие, происходящее со мной с момента, как я сошел с трапа самолета, — это месья Путина лично мне. За то, что выжил, за то, что осмелился вернуться. Теперь еще и за то, что рассказал о его дворце» [110, 2021].

Использование синтаксически параллельных конструкций находит свое отражение и в бессоюзных предложениях. В выявленных примерах в основном автор использует параллелизм для обвинения власти в неправомерности действий:

*«Сейчас огромное количество людей фрустрировано результатом **Я голосовал "против"**, все вокруг голосовали "против", а результат – сплошное "за"»* [107, 2020]

Таким образом мы видим, что коммуникативная направленность параллельных синтаксических конструкций варьируется от типа речи и предложения. Наиболее характерными тактиками здесь являются тактика обвинения, обличения и побуждения.

Связность речи N обеспечивается за счет небольшого количества связующих слов: противительных союзов «но», «а» («Может человеческий фактор. Но мы не можем сейчас говорить людям: «занимайте места в «Суперджете»», «Вы первый в космосе. А потом еще спустя 10 лет после этого мы были первые в космосе. А сейчас мы ни первые, ни вторые, ни третьи уже после этого.»), личных местоимений («И все ей — организации этой — пофиг. Не запугаешь ее, не подкупишь, не повлияешь «через спонсоров» и т.д.), указательного местоимения «это» (Наш ответ — «Умное голосование». Это лучшее пока из того, что есть, чтобы побить кандидата-единоросса».)

Изучая политические речи N, мы смогли обнаружить прием, который не указан в обзоре теоретической литературы – парцелляция, которая заключается в расчленении

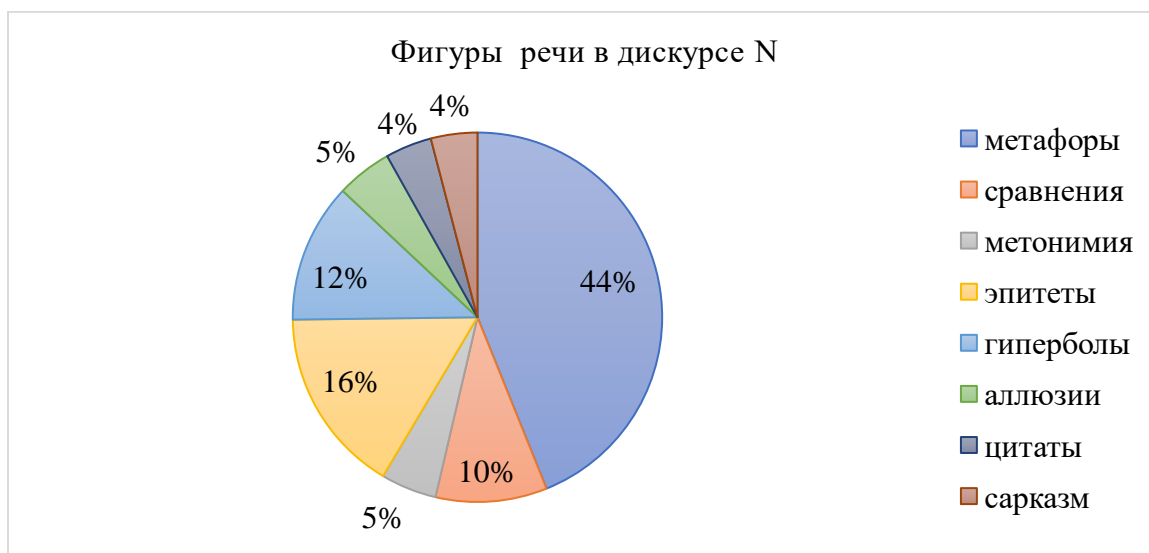
предложения на ряд самостоятельных частей [Комлев, 2006]. В ходе анализа нами было выявлено 18 случаев парцелляции, основная часть которых служит для уточнения или подтверждения того, о чем говорилось ранее («Это нарушение закона, конституции, захват власти. Уже произошедшие.», «И сделаем это. Обязаны сделать. Для себя и будущих поколений.», «Потому что он учитывает реальность. Сильные и слабые стороны режима.» и т.д.).

Исходя из вышеизложенных результатов можно сделать вывод о том, что синтаксические особенности N формируют его политический дискурс путем уточнений, повторений конструкций, парцелляции, связующих слов и рядов однородных членов предложений. Разнообразие синтаксических структур свидетельствует о намерении автора убедить публику в принятии верной политической позиции и призвать свою аудиторию к конкретным действиям.

3.4. Стилистические особенности дискурса политика-оппозиционера

Как уже говорилось ранее, политический дискурс характеризуется сочетанием экспрессии и стандарта, которые выражаются в его основных функциях: информационной и воздействующей. Исследуемый языковой материал дал понять, что в дискурсе N присутствуют разнообразные стилистические и лексико-стилистические средства. С целью определить идеологический стиль политика-оппозиционера, мы считаем необходимым выявить именно те стилистические приемы, которые наиболее часто используются в его выступлениях. Отобранный нами практический материал проанализирован с точки зрения использованных в нем стилистических приемов. Всего нами было выявлено 218 смысловых единиц, которые относятся к стилистике политических текстов. Результаты проведенного анализа отобранных единиц представлены на следующей диаграмме (Диаграмма 3.4.1), данные приведены в процентном соотношении.

Диаграмма 3.4.1. Фигуры речи в дискурсе N

Данная диаграмма показывает, что наиболее частотными стилистическими приемами в политических речах N являются метафоры (44%) и эпитеты (16%). Некоторые средства, такие как сравнения (10%) и гиперболы (12%), также демонстрируют специфику дискурса политика-оппозиционера. Помимо прочего, N прибегает к использованию аллюзий (5%), цитирования (4%), элементов сарказма (4%) и метонимий (5%). На данном этапе исследования мы можем сделать вывод о том, что для политической риторики N характерен высокий уровень стилизованности текста. Однако разнообразие форм ограничивается количеством используемых стилистических приемов.

3.4.1. Метафора

В исследуемых материалах значительное место отводится метафоре. Анализ публичных выступлений N показал, что по своей структуре самой распространенной формой выражения метафоры в политической коммуникации являются двучленные словосочетания. В частности, речь идет о генетивных оборотах, построенные по модели «именительный падеж существительного + родительный падеж существительного». Распространенность метафор такого типа объясняется тем, что в них наиболее ярко обнаруживается сам механизм метафоризации. Метафора всегда бинарна, так как в основе ее лежит взаимодействие двух информационно-смысловых комплексов или фреймов, однако нами также были обнаружены случаи развернутых метафор. Метафоры в риторике N относятся к следующим смысловым группам: 1) метафоры, описывающие политическую ситуацию в России и ее политических деятелей; 2) метафоры, характеризующие различные группы социальные группы.

Для метафор, описывающих политических деятелей, N прибегает к конструкциям типа «пейоративное слово» + «политический термин». Так, например, в одной из судебных речей, N использует следующую формулировку:

«Зато мы, поборов страх, можем освободить свою Родину от кучки воров-оккупантов» [110, 2021].

В данном примере мы можем видеть, что используется военно-политический термин «оккупант» (тот, кто участвует в оккупации - насильственном занятии вооруженными силами одного государства территории другого государства.³) и сопоставляется со словами «кучка» и «воры», которые имеют негативную коннотацию, а следовательно, используется для того, чтобы убедить своего слушателя в том, что действия политического оппонента не только неправильны, но и не правомерны.

Говоря о результатах голосования, политик использует метафору, которая также имеет отрицательные оттенки смыслов:

*«Не требуется сложных политических коалиций и переговоров. Лейбл «**Партия жуликов и воров**», присвоенный «Единой России», полностью уничтожил перспективы этой партии, несмотря на то что она формально выиграла выборы»* [99, 2012].

Таким способом политик-оппозиционер определяет своего врага в довольно четкой форме (жулики и воры), применяя тактику обвинения, выставляя оппонента в негативном свете.

Говоря о процедуре голосования и результатах выборов, политик-оппозиционер использует метафоры, основанные на сопоставлении избирательного процесса с пространственно-временными видами искусства:

- 1) *«Если неделя «голосования в шатрах» без наблюдателей — мы это вообще не признаем»* [106, 2020].
- 2) *«Но сначала нужно всё-таки осознать, что случилось и какие у этого будут последствия. Мы увидели шоу с запланированным финалом»* [107, 2020].
- 3) *«Просто объявляешь результат. Единственное, что ему было нужно, — явка людей, потому что нельзя проводить спектакль при абсолютно пустом зале»* [107, 2020].

Во всех трех примерах видно, что голосование рассматривается политиком как некое представление в цирке или театре, которое не влияет на ход политических событий.

³ Мустафин, А.А. (2012), *Политология: словарь современных терминов и выражений*, Ангарск, АГТА.

Служат такие метафоры для того, чтобы раскритиковать власть и указать слушателю на нарушения политических процессов.

Довольно часто N использует развернутые метафоры для критики власти и подконтрольные ей организации. В частности, политик описывает экономическую повестку следующим высказыванием:

*«Слушайте, а не только ведь **брюква** существует. Есть вещи и получше. Да и **закупки брюквы** обходятся подозрительно дорого. И урожайность в центнерах с гектара у нее низкая. И люди смотрят друг на друга, как будто прозрев, и говорят друг другу: ну правда, а че **брюква-то**? **Давайте хотя бы проведем кулинарный поединок и сравним брюкву с другими продуктами**» [101, 2017].*

Автор переносит понятие «экономика» на ботанический термин «брюква», который косвенно указывает на то, что сложившаяся политическая ситуация несовершенна и даже опасна. В связи с этим автор разворачивает метафору и уже сопоставляет понятие «политика» с понятием «кулинарный поединок», на котором у слушателя должна появиться возможность увидеть другие пути развития и сравнить с текущими экономическими процессами.

Также довольно часто метафоры способствуют выражению политической позиции N. В одном из выступлений в суде N пытается поговорить с судьей о более отвлеченной, казалось бы, теме, которую он обозначает посредством метафоры:

*«Я уже не знаю, о чем поговорить, ваша честь. Хотите с вами поговорю о **боге** и о спасении. **Выкручу**, так сказать, **ручку пафоса** на максимум. Дело в том, что я верующий человек» [111, 2021].*

Здесь мы можем увидеть, как метафора одновременно вводит новую переменную в дискурс N (личные установки), но одновременно с этим она же и категоризирует отношение политика к сложившимся обстоятельствам. В данном примере видно смежное сопоставление двух смысловых единиц: «выкрутить ручку» (прокрутить определенную часть музыкального инструмента (ручку тона) для лучшего звучания) и «пафос» (воодушевление, энтузиазм, вызываемый чем-нибудь). Сфера-источник – музыка, сфера-цель – риторика. Так, политик использует стратегию театральности, чтобы обратить внимание тех, к кому он обращается.

Для описания своей политической позиции N также прибегает к метафорам, которые строятся по модели «прилагательное» + «существительное», однако особенностью таких метафор является то, что ее элементы взяты из разных сфер знания и не всегда имеют эмоциональную окраску. Особенно это видно в предвыборном дискурсе N:

*«<...> Собственно говоря, и Кремлю это очевидно. У них тоже есть глаза и способность делать элементарные выводы. Рейтинг с пресловутыми 86% существует в **политическом вакууме** <...>» [101, 2017].*

Метафора «*политический вакуум*» образуется из двух разных сфер – «политический» из политики, «вакуум» – из физики и служит для дискредитации оппонента в предвыборной компании. Результаты голосования сопоставляются с пространством, не имеющим материи, то есть не имеющим основания для достоверности.

В такому типу метафор можно отнести также следующие высказывания:

- 1) *«Для этой реформы не нужно ничего, кроме **политической воли**» [99, 2012].*
- 2) *«У **брюквенной мафии** тоже дети есть, они подрастают и, как видите, занимают все больше государственных постов» [101, 2017].*
- 3) *«Мы видим худший вид несправедливости — это **несправедливость вооруженная**» [111, 2021].*
- 4) *«Честное государство помогает решить и проблему **«ресурсного проклятия»**» [99, 2012].*

Как отмечалось ранее, адекватные метафоры служат преимущественно для реализации тактики обвинения, а сферы-источник и сферы-цель в каждом случае разные. Так, например, «несправедливость» - социальный процесс, «вооруженная» - военный термин, а «ресурсное проклятие» к экономике (сфере-цель) приписывает способ выражения мысли (сфера-источник). Однако следует интерпретировать данный вид метафор как совмещение свойств разных объектов для объяснения, порицания и(ли) одобрения определенной ситуации, политической позиции или общественного явления.

В основе политического дискурса *N* лежит непрекращающийся диалог – поединок между «партией власти» и «оппозиционным движением». В рамках этого диалога оппозиционер использует различные метафоры, характеризующие положение российского социума. Данный тип метафор создан преимущественно посредством цитирования героев фильмов, книг или реальных личностей. Так, например, для того, чтобы побудить слушателя к действию в своей речи перед судом политик использовал следующую метафору:

*«Жизнь — это риск. А если ты не рискуешь, значит, ты **просто вялая кучка молекул**, собранных беспорядочно и плывущих по течению Вселенной» [111, 2021].*

Из данного примера видно, что при помощи метафоры политика способны критиковать не только противоположную их взглядам идеологию, но и слушателей их дискурса. Однако иногда трудно интерпретировать такие метафоры, потому что, с одной стороны,

они убеждают слушателя принять точку зрения автора, но с другой стороны, могут оттолкнуть публику от политика, который пытается тем самым дискредитировать свой электорат.

Обращаясь с последним словом в суде, N выражает свои интенции относительно желаемой политической реальности, прибегая к такому высказыванию:

«Я хочу, чтобы Россия была богатой, что соответствует ее национальным богатствам. Я хочу, чтобы эти национальные богатства справедливее распределялись, чтобы все получали какую-то свою долю от нефтяного и газового пирога» [111, 2021].

В данном примере происходит скрытое сопоставление разных понятий: «нефть» и «газ» как основные источники российской экономики и «пирог» как собирательный образ всех благ, которые эти источники приносят стране. Такая формулировка реализует одновременно две речевые стратегии – тактика анализа «плюс» («все получали какую-то часть от нефтяного и газового пирога») и тактика обещания («я хочу»).

Помимо прочего, для речи N характерны антропоцентрические метафоры, которые заключаются в наделении неодушевленных предметов и абстрактных понятий качествами, действиями, чувствами человека. Такие метафоры встречаются довольно часто и служат только для обличения власти и ее критики.

- 1) *«Вы можете учиться, стараться, много работать, но половину трудов вашей жизни просто **сожрет и обесценит** этот неэффективный, деградирующий **воровской режим**»* [107, 2020].
- 2) *«Коррупция — это не абстракция. Она в буквальном смысле **залезает в карман** каждого из нас»* [107, 2020].
- 3) *«**Коррупция отравляет и уродует** общество, мешает нормальным отношениям между людьми»* [99, 2012].
- 4) *«Но еще хуже, когда **беззаконие и произвол наряжают** на себя прокурорскую или судебную мантию»* [109, 2021].
- 5) *«Наше дело правое, мы победим! **Правда всегда побеждает!** Спасибо большое!»* [100, 2013]

Очеловечивание абстрактных категорий («режим», «правда», «коррупция», «беззаконие», «произвол») обеспечивает такое понимание, которое большинству людей будет очевидно. Когда в стране действует множество коррупционных сетей, которые порождают произвол и беззаконие, каждый гражданин этой страны ощущает влияние этих процессов на себе. Благодаря таким метафорам N дает слушателям связное объяснение, почему в обществе возникают такого рода проблемы.

Изучив исследуемый материал, мы приходим к выводу о том, что метафоры используются в тех случаях, когда необходимо выразить свое отношение (часто негативное) к оппоненту или слушателям при помощи их образного сопоставления с другими объектами или сферами общественного или специального знания. По составу метафоры в речи N представляются именными выражениями, адъективными конструкциями, развернутыми метафорами, которые позволяют добиться эффекта воздействия на читателей, так как именно в подобных выражениях имеется то самое скрытое сопоставление одного участка внеязыковой действительности с другим.

3.4.2. Метонимия

Среди стилистического разнообразия в дискурсе N были обнаружены также метонимии. В результате анализа нами были обнаружен один тип метонимий, основанный на смежности понятия «люди» - «страна». Метонимии «наплевать на страну», «несчастливая страна», «наша страна сползает во мрак» призваны определить население географическим понятием, тем самым создавая у слушателей ощущение того, что не совершенство системы характеризует проблемы народа. К тому же употребление в метонимиях слова «страна» отсылает слушателей к базовым понятиям патриотизма и, следовательно, порождает у читателя интенции к изменению политической ситуации.

Также, нами были выявлены случаи употребления метонимий для описания действий власти:

- 1) *«Кремль сходит с ума от мысли, что совсем под боком сидит абсолютно независимая организация»* [105, 2019].
- 2) *«Кремль его [умного голосования] страшно боится, особенно в Москве и Питере»* [105, 2019].
- 3) *«Сколько бы Кремль ни предлагал стостраничных программ структурных реформ, ни одна из них не будет реализована»* [99, 2012].
- 4) *«Кремль заставил Big Tech пойти на уступки, предъявив им чуть ли не список сотрудников, подлежащих аресту»* [114, 2021].

В данном случае происходит перенос по смежности «деятель» - «место». Кремль (здание) обозначает правящую элиту, которая описывается психологическими (сходить с ума, бояться) или речевыми (предлагать, заставлять) процессами. Следует отметить, что второй элемент метонимии имеет также негативную оценку, служащей для оппонирования собеседника и(ли) политического противника.

3.4.3. Эпитет

Являясь художественно-образным определением, все эпитеты обладают элементами субъективности и эмоциональности. Эмоциональное значение в эпитете может сопровождать предметно-логическое значение, либо существовать как единственное значение в слове. Эпитет рассматривается многими исследователями как основное средство утверждения индивидуального, субъективно-оценочного отношения к описываемому явлению. Эпитеты являются мощным средством в руках политика для создания необходимого эмоционального фона повествования, они рассчитаны на определенную реакцию слушателя.

В различных политических выступлениях использование эпитетов является наиболее распространенным способом реализации целей политической коммуникации. Состав используемых N эпитетов различен по своему составу и функциям. Проанализировав все представленные в текстах эпитеты, мы выявили пять крупных смысловых категорий, каждая из которых отличается объектом направленности эпитета. Точно также, как и метафоры, эпитеты в речи N служат для критики политической системы. Подбирая прилагательные, выражающие оценочные суждения к политической системе, политик-оппозиционер исходит из желания очернить оппонента, показать слушателю несостоятельность политической реальности оппонента, и следовательно, навязать мысль о том, что его политика более благоприятна для слушателя. Так, например, в выступлении по поводу выборов N дает следующую характеристику политической системе:

«20 лет бездарного совершенно правления привели к такому результату — у него висит на ушах эта корона, сползающая на уши» [113, 2021].

В данном примере N при помощи прилагательного «бездарный» выражает пренебрежительное отношение к действиям своего оппонента не только из-за использования уничижительной лексики (бездарный), но и наречий усиления (совершенно). Художественная выразительность, ради которой используются эпитеты, может нести и отрицательные оттенки.

Для дискредитации действующей власти политик часто использует эпитеты, обозначающие негативные чувства или черты характера:

4) *«<...> тем самым выборы превратили в подделку. Пустую, лживую процедуру»* [106, 2019].

5) *«То, что мы сейчас видим, — это самая агрессивная попытка заткнуть нам рот»* [105, 2019].

6) *«Ну а мы с вами можем победить, только если отбросим **наивные** схемы»* [107, 2020].

7) *«У нас все есть, но тем не менее мы какая-то **несчастливая** страна»* [111, 2021].

Из данных примеров видно, что политику-оппозиционеру свойственно прибегать к тактике обвинения при помощи эпитетов (чувства или черты характера), которые свойственны описанию людей, но используются в анализируемых речах с абстрактными существительными (попытка, страна, процедура и т.д.).

Вторая крупная категория эпитетов помогает N номинировать образ «врага», дать ему подходящую характеристику. Так, например, критикуя выборную систему политик говорит следующее:

*«Основа режима — это **продажные суды и полицейские, пропагандисты, обман на выборах, но в первую очередь — реальные люди с промытыми мозгами»*** [107, 2020].

В приведенном примере используется разговорная лексика, которая обличает оппозиционное видение проблемы автором дискурса и сближает его с главным слушателем политического дискурса – народом. Иногда к одному понятию может добавляться множество синонимичных определений:

*«Не развиваемся, а отстаем и деградируем с каждым годом. По единственной причине: **марзаматичные, косные, глупые (но злые и хитрые) деды из Кремля** каждый день выменивают достойную, богатую жизнь граждан России на свои дворцы и виноградники»* [112, 2021].

Совсем небольшое количество эпитетов связано с описанием не случившихся событий. Эпитеты **«потерянные десятилетия»** и **«украденные годы»** выражают сожаления политика о происходящих процессах в рамках политического общества. Данные примеры являются эпитетами, потому что влияют на выразительности речи, для политика является важным охарактеризовать время как некий осязаемый объект, который можно украсть или потерять. Выражение сожаления, в свою очередь, так же удовлетворяет персуазивной функции политического дискурса: подобные высказывания должны дать почву слушателям для размышлений, для принятия или не принятия решений.

Говоря о своей политической позиции, N склонен использовать эпитеты с положительной коннотацией. Он апеллирует речевыми формулировками, которые отражают черты демократического общества:

«Честное государство будет тем первым и главным достижением, которое проложит дорогу для решения остальных основных проблем России — и социальных, и экономических, и проблем безопасности» [99, 2012].

Определение «честный» для государственной системы сопоставляет ее положительной чертой человеческого характера. Использование подобного эпитета обосновывается необходимостью донесения политических идеалов слушателям. Такая же связь между определением и словом прослеживается в следующем примере:

*«Через два месяца будут настоящие выборы аж в 31 регионе. 66 разных избирательных кампаний, где будет задействовано **Умное голосование**» [105, 2019].*

Абстрактное понятие «голосование» наделяется чертой человека «умный» чтобы подчеркнуть идею близости политических процессов с народом. Однако стоит отметить, что приведенные выше эпитеты являются метафорическими.

Также, были обнаружены случаи употребления эпитетов, которые придавали риторике выступлений художественную выразительность. Часто такие эпитеты использовались для описания сторонников N (*«с горящими глазами», «с твердыми жизненными принципами», «бушующее пламя», «твердые сторонники»*), однако такие формулировки представлены в гораздо меньшем объеме.

Как свидетельствуют приведенные примеры, в политическом дискурсе N используются в основном речевые эпитеты, т. е. индивидуальные эпитеты с ярко выраженной эмоциональной оценкой положительного или отрицательного характера.

3.4.4. Сравнение

К числу стилистических приемов, в какой-то степени родственных метафоре (по функции, но не по лингвистической природе), относится сравнение. Сущность этого стилистического приема раскрывается самим его названием. В отличие от метафорических единиц, сравнения сопоставляют предметы или явление на основании сходных черт и выражают эту связь буквально при помощи различных языковых элементов (союзов, наречий, форм существительных). Для использования сравнения основной принцип должен основываться на схожести одной черты при полном расхождении других черт. Как показало наше исследование, в политических выступлениях N сходство обычно усматривается в тех чертах и признаках, которые не являются существенными, характерными для обоих сравниваемых предметов или явлений, а лишь для одного из членов сравнения.

Все найденные сравнения являются формальными, то есть при их создании используются сравнительные союзы «как» и «как если бы». Назначение у таких сравнений совершенно разное в зависимости от типа и целей речи N. В первую очередь, как и ранее описанные стилистические средства, сравнения из уст N выражают довольно жесткую критику власти, но не проводя сопоставление с отрицательными чертами двух явлений:

«Он [Путин], как жонглер или фокусник, мячик крутит сначала на этом пальце, потом на этом пальце, потом на голове и говорит» [111, 2021].

Образ «врага» обрисовывается здесь сравнением его деятельности с деятельностью цирковых артистов, для которых свойственна высокая техничность действия и наличие отточенных навыков, тем самым N определяет действия президента РФ как технически выверенные и мастерски выполняемые.

Образ «неправильной политики» выражается также через другое сравнение:

«Коррупционная прибавка к себестоимости, исчисляемая десятками процентов, есть в купленной вами куртке, и в пакете молока, и в мешке картошки. А раздувающаяся как пузырь смета Олимпиады стоит нам так, как если бы с нас сняли пальто в подворотне» [99, 2012].

В данном примере критика власти выражена менее открытым способом. Данное сравнение проводит параллели между физическими свойствами и материальными ценностями (раздувающийся пузырь – смета), а последние сравниваются с криминальной ситуацией (стоимость сметы – грабеж пальто в подворотне).

Также, критика власти подразумевается и в сравнениях обычных людей с неживыми объектами. Так, например, в речах, посвященных предвыборной кампании N говорит следующее:

«Избиратель не представляет ни малейшей ценности. То есть он нужен, но только как мебель или атрибут — заведомому победителю нужна явка и картинка, что люди пришли и признали его победу» [103, 2018].

В данном примере политик подчеркивает, что политический режим определяет обычного человека в качестве неподвижного элемента большой системы. Тем самым, политик дает понять своим слушателям, что сложившееся политическая обстановка неправильна и необходимы какие-то действия на пути ее изменения.

Говоря о конкретных политических действиях, N использует сравнения, которые подчеркивают важность принимаемых людьми решений в политике государства:

*«Если вы были на одном из митингов на проспекте Сахарова... я говорил о том, что мы должны **ходить на митинги как на работу**. И к нашей оппозиционной деятельности нужно **относиться как к работе**» [100, 2013].*

В высказываниях подобного плана автор реализует тактику побуждения путем сопоставления митинга как политически значимого события с одной из сфер социальной жизни (работа), подчеркивая тем самым значимость участия в митингах.

Также, излагая мнение своих политических противников, N приводит сравнения, которые относятся к нему. Скорее всего, таким образом политик хочет вызвать у читателя эмоцию сопереживания и при этом, он устанавливает некую неприязнь сказанных другими людьми слов:

*«Да, у них есть право сказать **«мы дали вам множество разрешений, но вы, мистер Навальный, как избалованный ребенок, не хотите использовать их, и вы хотите быть арестованным»** [102, 2018].*

Помимо прочего, в данном примере мы можем видеть, что речь обращена к органу судебной власти, который способен пересмотреть все ранее предъявленные в российском суде обвинения. Политик прибегает к сравнению, чтобы склонить на свою сторону не только своих сторонников, но обрести новую поддержку.

Иногда N приводит развернутые сравнения, в которых результат действия сопоставляется с процессом. С лингвистической точки зрения такие сравнения проходят не на уровне слова, а на уровне предложения:

*«Рейтинг с пресловутыми 86% существует в политическом вакууме. **Это все равно как спросить у человека, которого всю жизнь кормили брюквой — на сколько процентов ты оцениваешь съедобность брюквы?»** [101, 2017]*

Таким образом, мы можем отметить, что использование сравнений в риторике N служит не только для обозначения противоположных политических позиций, осуждения действий оппонента, но также и представления возможных эффектов действий избирателей, убеждения слушателей в своей позиции, выражения сопереживания и соучастности.

3.4.5. Гипербола

Употребление гипербол – одно из основных стилистических средств политического дискурса. Экспрессивно выраженные преувеличения или преуменьшения задают необходимый тон политической коммуникации и позволяют политикам выразить различные политические позиции относительно разного рода

вопросов. В политическом дискурсе N гиперболы представлены значительно реже сравнений, метафор и эпитетов, однако в их употреблении можно выделить некоторые особенности.

Из проанализированного материала большинство гипербол построены по модели «числительное» и «существительное» («тонна вранья», «ворующий миллионами», «тысячи наблюдателей по всей стране», «сотни миллионов бюджетных денег», «примеров десятки и сотни»), которые используются для драматизации экономического состояния политического общества или для масштабирования существующих в этом обществе проблем:

*«20 лет бездарного совершенно правления привели к такому результату — у него висит на ушах эта корона, сползающая на уши. Есть **тонна вранья** по телевизору, есть огромное личное богатство» [113, 2021].*

В данном примере реализуется основная тактика политика-оппозиционера – тактика обвинения, при помощи которой политик критикует власть и говорит слушателю об определенной проблеме (информационная пропаганда).

Так же, в дискурсе N встречались гиперболы, которые не конкретизируют число преувеличения и являются в основном количественными прилагательными («огромное личное богатство», «колоссальные деньги», «огромное количество людей»). Они служат для выражения политической концепции «власть – народ», указывая на финансовые аспекты данных категорий общества:

*«Власти было важно доказать: вот смотрите, мы при Путине смогли самолёт сделать. На проект были потрачены **колоссальные** деньги. Значительное количество из них — разворовано» [104, 2019].*

Третьей моделью являются глагольные выражения с числительными («население сейчас сокращается миллионами», «выходить на улицы сотнями тысяч и миллионами»; «и миллионы, и сотни тысяч посадить нельзя»), которые используются для побуждения слушателей к действиям:

*«Этот процесс, я очень надеюсь, не будет воспринят людьми как сигнал того, что они должны больше бояться. Это же не демонстрация силы, это демонстрация слабости. И **миллионы, и сотни тысяч посадить нельзя**» [109, 2021].*

Последний тип гипербол связан с преувеличением пространственно-временных отношений («они будут кормить этой чертовой брюквой до конца нашей жизни», «везде скоро будут стоять такие люди, на немедленной закупке арбидола на 100 лет вперед», «заповедь блаженства <...> она просто сжата до размеров твиттера»):

«Если ничего не делать, нас будут кормить этой чертовой брюквой до конца нашей жизни. И детей наших тоже» [101, 2017].

В подобных примерах гипербола используется для убеждения слушателя в неправильности власти путем ее критики (тактика обвинения), которая свойственна всем речам N.

Так, мы можем прийти к выводу о том, что гиперболизированность политического теста N обуславливается стремлением политика негативно охарактеризовать некоторые политические явления (коррупция, выборы), раскритиковать действия оппонента и склонить людей к изменению мнения о нынешней власти.

3.4.6. Сарказм как вид комического

В отличие от изученных теоретических источников, в которых говорилось о высокой частотности ироний в политическом дискурсе, в стилистике дискурса N нам удалось обнаружить смысловые единицы, выражающие язвительную насмешку, содержащую уничтожающую оценку – сарказм. В связи с тем, что количество таких единиц значительно меньше относительно других стилистических приемов, нам не представилось возможным их классифицировать. Однако, стоит отметить, что элементы сарказма основываются скорее всего на устойчивых выражениях, которым придается новое значение путем добавления новых элементов, т. е. в данном случае речь идет об авторских уникальных в своем роде сарказмах.

Говоря о голосовании за поправки в конституции РФ в 2020 году, N в саркастичной манере осуждает политическую систему:

«Поправки приняты и вступили в силу (на них уже даже ссылаются в новых законах). Остался только цирк с надувными шатрами» [106, 2019].

В данном случае используется сарказм, который заключается в том, что голосование представляет своего рода буффонаду, результаты которой не влияют на внесение этих поправок. Сравнение с цирком подчеркивает насмешку по отношению к политической системе.

Элементы сарказма также можно встретить в высказываниях направленные на личность политического оппонента:

«Так много лет происходит с победой нашего народа в Великой Отечественной войне. Он ее пытается присвоить себе, объявить, что это он победил в этой войне и торгует этой победой направо и налево <...> король украл знамя Победы и пытается сделать себе из него стринги» [113, 2021].

В данном примере речь идет об осуждении N мнения В. В. Путина по поводу победы в Великой Отечественной войне. Автор дискурса описывает политический символ (знамя Победы) как то, что может быть изменено в зависимости от цели политика.

3.4.7. Аллюзия

Различные отсылки к элементам внеязыковой действительности свойственны политическому дискурсу, так как благодаря им устанавливаются доверительные отношения между политиком и аудиторией и облегчается понимание сложных политических процессов. В речи N аллюзии встречаются не часто, однако среди выявленных единиц мы смогли найти некоторые схожие черты. Все проанализированные аллюзии являются отсылками к произведениям искусства (литература и кино). Литературные отсылки помогают создать образ «врага», сравнивая деятельность оппонента с действиями персонажей:

*«Поскольку это всем понятно и все больше людей видят, что **король голый**, этот **голый король** должен осознавать, что сделать ничего он не может»* [113, 2021].

Обращаясь к судье во время очередного заседания, N сравнивает правящего президента с главным персонажем сказки Г.-Х. Андерсона «Новое платье короля». Данная аллюзия позволяет показать, как нелеп политический оппонент в глазах автора дискурса. Риторика политика-оппозиционера критикует здесь оппонента эмоциями, выражающими не в гневе, а в смехе. Также посредством литературных аллюзий автор может выражать негативное отношение к оппоненту, что подтверждает следующий пример:

*«Безусловно, конечно, наш **Волан-де-Морт** во дворце — он тоже этого хочет»* [111, 2021].

В данном случае проводится параллель между действиями В.В. Путина и действия главного злого персонажа из серии книг о Гарри Поттере Дж. К. Роулинг для того, чтобы указать аудитории на то, что политика оппонента имеет неправомерные основания и дурные намерения.

Речь «Звери задрожали – в обморок упали» N завершает литературной отсылкой на произведение К.И. Чуковского:

*«Не бойтесь выходите на митинги. Проявляйте солидарность. Не молчите. Это не страшно. Все как **в сказке «Тараканище»**»* [105, 2019].

Упоминанию рассказа «Тараканище» предшествуют политические лозунги, которые развертывают данную отсылку. Во-первых, N дискредитирует своего оппонента как отрицательного персонажа этой сказки (тараканище) и, во-вторых, интерпретирует развязку сказки, согласно которой отрицательного персонажа победил другой герой путем активных и смелых действий. Тем самым, политик прибегает к образности аллюзии для побуждения слушателя к осуществлению действий, направленных на улучшение политической ситуации.

Также в ходе анализа нам удалось найти аллюзии на исторические личности, которые обеспечивают содержательность речи. Однако могут быть не понятны слушателям, которые не имеют фоновых знаний о деятельности данных личностей. Так, например, в одной из судебных речей N говорит следующее:

«Потому что, при всем уважении, ваша честь, вам не удалось побить рекорд того, когда меня судили в Химкинском суде. И я сидел, надо мной — портрет Ежова и Ягоды. Это было очень сильно» [115, 2022].

В данном случае политик, говоря о предыдущем заседании суда, подчеркивает обстановку, в которой происходило судебное разбирательство. Политик упоминает Ежова и Ягоду, глав национального комитета государственной безопасности в СССР, которые способствовали созданию НКВД и ГУЛАГ и активно участвовали в массовых репрессиях во времена правления И.В. Сталина. Отсылка к данным историческим личностям служит для того, чтобы изобличить действующую судебную власть, для которой характерна ориентированность на репрессивных деятелей.

Таким образом, речи N присущи литературные и исторические аллюзии, выраженные в форме двучленных словосочетаний. Использование данного стилистического приема определяет речь N как критикующую, дискредитирующую и оппозиционную.

3.4.8. Цитирование

Помимо прочего, в речах N можно встретить прямое цитирование из фильмов с указанием автора цитаты:

«В этом есть, конечно, небольшой риск, но, во-первых, он небольшой, а во-вторых, как сказал другой выдающийся философ современности по имени Рик Санчес: «Жизнь — это риск. А если ты не рискуешь, значит, ты просто вялая кучка молекул, собранных беспорядочно и плывущих по течению Вселенной»» [111, 2021].

Данная цитата взята из мультипликационного сериала «Рик и Морти», произнесенная главным персонажем Риком Санчесом – ученым, который на протяжении сериала задумывается о концептах «свободы» и «смысла жизни». N использует ее для удвоенного убеждения читателей в том, что народу необходимо брать ответственность за происходящие внутривластные процессы в стране.

По такой же модели N приводит цитату и обозначает сказавшего ее персонажа из фильмов о Гарри Поттере:

*«Вещь про одиночество очень важна. Она очень важна как цель власти. Отлично, кстати говоря, по этому поводу сказал один из замечательных философов по имени Полумна Лавгуд <...> разговаривая с Гарри Поттером в какие-то там сложные времена, она ему сказала: **«Важно не чувствовать себя одиноким, потому что, конечно, на месте Волан-де-Морта я бы очень хотела, чтобы ты чувствовал себя одиноким»**» [111, 2021].*

В самой цитате можно обнаружить, как автор дискурса четко формулирует свою социальную позицию, апеллируя понятиями «одиночества» и «сопричастности». К тому же, таким способом N подчеркивает, что он в отличие от своего оппонента является частью народа. В данном случае особенно сильно реализуется потребность говорящего к воспроизводству идей у аудитории. Цитаты в речах N являются формулированием идей об объекте анализа за счёт чужой речи для достижения образности и выразительности.

Из всего вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что основная стратегия дискурса N ограничивается базовыми принципами оппозиционной политики: соотнесение понятий «народ – власть», критика власти, осуждение политической ситуации, создание образа «врага», политическая агитация. Разнообразные стилистические средства (эпитет, метафора, сравнение, гипербола, аллюзия, ирония, метонимия) обеспечивают конкретную реализацию в речи данных политических установок.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Данная глава была посвящена практическому изучению особенностей политического дискурса политика-оппозиционера Н. Был произведен анализ на трех языковых уровнях – лексическом, грамматическом и стилистическом.

Проанализировав корпус при помощи программного обеспечения AntConc и Sketch Engine, мы выявили наиболее частотные лексические единицы по частям речи (существительные, глаголы, прилагательные), среди которых были обнаружены следующие пласты лексики: общеупотребительная лексика (88%), оценочная лексика (7%), специализированная лексика (5%). Далее в каждой категории были выявлены характерные для изучаемых политических речей лексические особенности. Среди общеупотребительной лексики было обнаружено 105 идеологем, которые по семантическому характеру обозначают различные процессы, стадии, качества, атрибутивность и употребляются для обозначения политической проблемы и предложения путей решения. Среди оценочной лексики мы выдели разговорную, просторечную лексику, фразеологизмы, уничижительные слова, жаргонизмы, неологизмы, слова с отрицательной и положительной оценкой. Элементы оценочной лексики позволяют политику-оппозиционеру показать свое негативное отношение к действия политического оппонента, выстроить образ «врага». Коммуникативная направленность оценочной лексики – тактика анализ-«минус». Специализированная лексика представлена политическими, экономическими и юридическими терминами (128 единиц), которые обеспечивают политическим речам информативности, придает им содержательность путем описания внеязыковой действительности. Методом тегирования среди политических терминов были выявлены номинации режимов, течений, процессов, социальных институтов, деятелей, электоральной политики; юридическая лексика выражала правовые, законодательные, судебные процессы и обозначала их участников, номинировала преступления. К экономическим терминам мы причислили термины работы предприятий, финансовых процессов и их участников.

Комбинация трех пластов лексики специализирует дискурс политика-оппозиционера как комплексную совокупность высказываний, направленных на объективизацию информации, выражение собственной позиции, критики власти и предложения собственных идей.

На грамматическом уровне было выявлено большое количество морфологических и синтаксических особенностей. В ходе анализа среди морфологических средств мы выделили употребление местоимений, модальность

глаголов, безличные конструкции, видовременные формы глагола, номинальные конструкции. Употребление личных местоимений «я» и «мы» не сильно разнятся по частотности употребления в корпусе (253 и 209 соответственно), что усложняет работу над определением политической позиции автора дискурса. Однако, при помощи инструмента Concordance было выявлено, что местоимение «я» используется политиком для обозначения своей позиции, констатация фактов, описания своих действий, а местоимение «мы» используется в основном как «мы инклюзивное» для агитационных целей, для создания общности будущего и приобщения к политическим действиям. Категория модальности представлена в исследуемом дискурсе модальными глаголами, безличными конструкциями и наречиями. Значительно не большое количество элементов модальности компенсируется их функциональной направленностью - выражение намерений автора дискурса и его оппонента.

Выполнив функциональный анализ глагольных форм, мы выявили, что глаголы в повелительном наклонении используются в целях агитации, условное наклонение – для конструирования желаемой или не желаемой реальности, изъявительное – для описания конкретных действий политика и его оппонентов. Также, в процессе анализа было выявлено, что глаголы несовершенного вида преобладают в дискурсе N, что говорит о стремлении автора к описанию политических действий, а не указание на их результат.

В отличие от теоретических положений нам не удалось выявить случаи номинализации, но использование номинальных конструкций является основополагающим в дискурсе N. Среди номинальных конструкций мы выделили двучленные генетивные обороты, трехчленные генетивные обороты и двучленные именные обороты с предложной связью. Номинальные структуры используются чаще глаголов и служат для формулирования высказывания в лаконичной форме.

Произведя синтаксический анализ, мы выявили особенности, изложенные в теоретических положениях (синтаксический параллелизм, риторически вопросы и восклицания, однородные члены предложения)

Синтаксические средства в изученном материале обладают большим количеством функций. Среди вопросительных предложений нами были выявлены те, которые выражают: 1) приобщенность политика и народа, 2) обвинение власти, 3) мнение оппонента. Восклицательные предложения направлены на установление доверительных отношений с аудиторией, поддержку своих сторонников и выражения своей позиции.

Выявленные случаи однородных членов предложения помогают политику оказать влияние на слушателя, побудить его к действию путем интенсификации высказывания и использования тактик обвинения (в описаниях политической ситуации) или обещания (в предвыборных речах).

Параллелизм условных предложений характерен для предвыборных речей и обосновывается стремлением автора дискурса убедить слушателей в принятии верной позиции. Параллелизм в относительных придаточных реализуют тактику обличения (в митинговых речах), а в бессоюзных сложных предложениях – для обличения власти и неправомерности действий оппонента. Помимо прочего были обнаружены случаи парцелляции, которые уточняют или усиливают эффект того, о чем говорилось ранее.

Среди стилистических особенностей мы смогли выделить из проанализированного материала метафоры, метонимии, сравнения, эпитеты, гиперболы, сарказм, аллюзии, цитирование, затем мы определили их коммуникативную направленность. Метафоры используются в тех случаях, когда необходимо выразить свое отношение (часто негативное) к оппоненту путем сопоставления с другими сферами знания (искусство, физика, антропоморфные метафоры). Метафоры в дискурсе политика-оппозиционера представлены именными выражениями, адъективными конструкциями, развернутыми метафорами, которые создают негативное отношение слушателей к позиции политического оппонента. Метонимии основываются на смежности понятий «люди» - «страна», которое взывает слушателя к чувству патриотизма, которое способствует активном участии людей в политической жизни. Однако, также были обнаружены метонимии на смежности «деятель» - «место», используемые для того, чтобы завуалировать обвинение власти

Эпитеты в дискурсе N отвечают различным коммуникативным целям, однако мы выявили, что наиболее часто они используются из-за желания очернить оппонента, внушить аудитории ложность политической реальности оппонента (описание чувств и черт характера приписываются абстрактным существительным). Также, эпитеты несли положительную художественную выразительность в высказываниях политика о своих реальных или потенциальных сторонников. Сравнения используются не только для критики политических позиций и осуждения действий оппонента, но и представления убеждения слушателей в правильности своей позиции, выражения сопереживания. Гиперболы применяются с целью драматизации финансового положения страны политического общества и упора на выявление существующих социально-политических проблем. В риторике политика-оппозиционера нашлись также элементы сарказма, которые не были рассмотрены в теоретических положениях. Элементы сарказма

перекодируют речевые клише и привносят в речах новые значения, основным из которых является тактика обвинения власти.

Проанализированные элементы интертекстуальности отсылают к произведениям искусства (литература и кино) или деятельности политиков прошлого. Аллюзии создают образ «врага», негативное отношение к своему оппоненту, иными словами, характеризуют исследуемый дискурс как дискредитирующий и оппозиционный. Прием цитирования же позволяет политику побудить слушателей к принятию активной позиции и активизации общества в устранении существующих проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках нашего исследования была предпринята попытка выявления особенностей политического дискурса на основе речей Н. Данное исследование выполнено в рамках теории дискурса, функциональной стилистики и политической лингвистики.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяется его научная новизна и гипотеза, его теоретическая и практическая значимость, формулируются цели и задачи исследования, определяется методологическая база исследования, представляются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена определению понятия «дискурс», выявления функций и особенностей политического дискурса и методы дискурс-анализа. Рассмотрев различные трактовки понятия дискурса, мы сопоставили его с понятием «текст» и выявили, что он обладает динамическим процессом речепроизводства, вписанного в контекст и результат этого речепроизводства (то есть текст). Изучая теоретический материал, мы выделили традиционные версии дискурс-анализа. Согласно традиционной классификации, существует три концепции: 1) концепция М. Фуко, основанная на обусловленных стилях говорения; 2) концепция Т.А. ван Дейка, основанная на структурности коммуникативного взаимодействия; 3) концепция Р. Барта на семиологичности дискурса. Также, мы рассмотрели критический дискурс-анализ Н. Фэйркло, постструктуралистскую теорию дискурса Э. Лаклау и Ш. Муффа, дискурсивную психологию. Стоит отметить, что все версии подразумевают порождение дискурса в социальном конструировании реальности при помощи лингвистических и экстралингвистических явлений. Столкнувшись с противоположными точками зрения об определении политического дискурса, мы установили, что для политического дискурса, как к подвиду политической коммуникации, добавляет подъязык, соответственно «политический дискурс = подъязык + текст + контекст».

Говоря о функциях политического дискурса, мы представили различные классификации (Водак, Чилтон, Шефнер, Шейгал, Грейбер и др.). Функциональность политического дискурса зависит от специфики политической сферы, но к общим его чертам можно отнести: 1) интеграцию и дифференциацию участников политического процесса; 2) гармоничность или атональность отношений внутри дискурса; 3) персуазивность дискурса или воздействующая функция; 4) аргументативность; 5) креативную функцию дискурса; 6) агональность; 7) акциональность.

Вторая глава была посвящена рассмотрению наиболее характерных лингвистических черт политического дискурса. Мы выявили языковые средства на различных языковых уровнях: 1) стилистическом (метафоры, сравнения, эпитеты, гиперболы, аллюзии, иронии, метонимии); 2) лексическом (оценочная лексика, заимствованные слова, фразеологизмы, лозунги, эвфемизмы, идеологемы, просторечия, жаргоны); 3) морфологическом (употребление местоимений, глагольные формы, модальность, номинализация); 4) синтаксическом (синтаксический параллелизм, однородные члены предложений, связность текстов, инверсия, риторические вопросы).

Из-за большого количества стилистических фигур политический дискурс обладает высокой степенью стилизованности, что также подтверждается и разнообразием функций данных приемов (убеждение, оппонирование, критика, предложение решений и т.д.). Лексический набор средств наделяют политический дискурс высокой образностью, экспрессивностью и эмоциональностью, которые обеспечивают агональную и персуазивные функции. Использование в речи политиков морфологических средств позволяет передать негативное или позитивное отношение автора к определенной ситуации, а синтаксис политического текста задачу и усиливает любое высказывание в зависимости от цели коммуникации.

Третья глава представляет собой дискурс-анализ политических речей А.Н, основанный на эмпирических данных корпусной системы Sketch Engine. Языковые средства, описанные в теоретической части исследования, стали предметом практического анализа. В результате проведенного нами исследования нам удалось подтвердить те положения, которые мы встретили при изучении теоретических источников по данной проблеме. Риторика политика-оппозиционера характеризуется стилистической маркированностью, выражающейся в многообразном использовании экспрессивных средств выражения, которые, в свою очередь, побуждают коммуникантов к действию, вызывают у них рефлекссию, настраивают на определенный порядок мыслей.

С другой стороны, стоит отметить, что политический дискурс N имеет специфические характеристики в выражении лексических единиц: терминологичность текста (различные сферы – политика, экономика, юриспруденция), разговорная лексика, просторечная лексика, жаргонизмы, неологизмы, оценочные слова. Все эти элементы позволяют автору реализовать другую функциональную особенность политического дискурса – стандартность, выражаемую в точности, документальности и фактологичности изложения. Однако было опровергнуто положение о том, что под влиянием функции воздействия главным критерием отбора

становится их общедоступность (узкоспециальные слова и выражения должны исключаться), поскольку проведенный нами анализ лексических единиц показал, что довольно часто автор текста прибегает к использованию специализированных терминов, лексических единиц, определяющих область применения дискурса (политика).

Анализ грамматических структур в морфологии и синтаксисе показал свойственные им функции в риторике N. Морфологически дискурс N характеризуется высоким использованием номинальных конструкций, употреблением модальных глаголов и глаголов изъявительного наклонения, употреблением различных местоимений, коммуникативная направленность которых удовлетворяет требованиям политического дискурса: критика власти, обезличенность позиции, призывы к действию, установка власти, выражение общности будущего или прошлого, построение гипотетической реальности. Эти же цели оправдывают и разнообразие синтаксических средств, с отличием в том, что прагматический уровень высказывания расширяется за пределы формы слова и переходит на структуру предложения.

В отличие от исследований, приведенных в теоретической части, наше исследование также выделило новые особенности политического дискурса и не нашло подтверждение некоторых положений. Так, в текстах N мы не нашли употреблений эвфемизмов и афористики, что характеризует политика как личность, стремящуюся выражать свою речь в более серьезной и критикующей манере. Среди синтаксических особенностей мы смогли найти риторические восклицания и парцелляции, которые служат для привлечения внимания путем перенесения смысла на синтаксическое строение предложений.

Гипотеза исследования в полной мере подтвердилась, поскольку проанализированный материал выявил разнообразие вербальных форм когнитивных стратегий в рамках политической борьбы. В заключение, стоит отметить, что практическая значимость нашего исследования состоит в том, чтобы выявленные стилистические, лексические и грамматические особенности формирования политического дискурса смогли быть использованы в рамках дискурсивных исследований, политической лингвистики, помогли выработать авторам дискурса верных тактик построения политического общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алешина, О.И. Языковые средства экспрессии в политическом дискурсе / О. И. Алешина, Л. И. Бронзова // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2015. – № 1. – С. 82-87.
2. Арапов М.В. "А уяснится предмет - без труда и слова подберутся" // Человек. 1997. №4. – 74 с.
3. Балыхина, Т.М., Нетёсина М.С. Выразительные средства синтаксиса современного политического дискурса. Векторы благополучия: экономика и социум, (3 (4)), 2012. С. 264-268.
4. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
5. Барташова, О. А. Лингвистические средства реализации эмотивно-прагматической установки в политической предвыборной риторике / О. А. Барташова, С. Е. Полякова // Актуальные проблемы современной лингвистики : сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ирины Борисовны Руберт. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. – С. 52-58.
6. Бёдекер Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история менталитета. Сб. ст. под ред. Х.Э. Бёдекера / Пер. с нем. М., 2010
7. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова ; С. П. Белокурова. – Санкт-Петербург : Паритет, 2006. – ISBN 5-93437-258-0.
8. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Большая Рос. энцикл. ; СПб. : Норинт, 2004. – 1456 с.: ил. – ISBN 5-85270-160-2. – ISBN 5-7711-0004-8.).
9. Босова, Л. М. Некоторые лингвистические средства выражения эмотивности в политическом дискурсе / Л. М. Босова // Язык: категории, функции, речевое действие : материалы XI международной научной конференции, Москва-Коломна, 12–13 апреля 2018 года / Государственный социально-гуманитарный университет. – Москва-Коломна: Московский педагогический государственный университет, 2018. – С. 33-36.
10. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь: современная версия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — М. : Эксмо, 2002. — 672 с.
11. ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. / Пер. с англ. О.А. Гулыги, сост. В.В. Петрова, под ред. В.И. Герасимова. М., 1989.
12. Веремейко Е.В. Дискурс как форма презентации социально- гуманитарного знания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. - No 1 (45). – 2012. – с. 65-68.
13. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. –4-е изд. – М., 1990.
14. Виноградова, С. А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе / С. А. Виноградова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2(23). – С. 95-101.
15. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. Карасика В.И., Трошиной Н. Н. Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
16. Голубева Т. М. (2019). Персуазивность гиперболы в политическом дискурсе (на материале высказываний британских политиков). // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – №18 (3), 2019. – С.195-205.
17. Горностаева А.А. Ирония в английском и русском дискурсах: сопоставительный анализ // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика», 2013. № 4. С. 72—80.

18. Гронская Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием (Электронный ресурс) // Вестник Нижегородского лингвистического университета. 2000. С. 220-231. – Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/-vestniki_journals/9999-0200_West_MO_2003_1/22.pdf. – Загл. с экрана (23.01.2016).
19. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002. № 3. С. 32-43.
20. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. — М.: «Аделант», 2014. — 800с.
21. Жданова Е. А. Риторические приемы и средства воздействия на аудиторию в интервью и выступлениях Алексея Навального / Е. А. Жданова, М. Л. Кожевникова // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : Международная конференция (V Бодуэновские чтения): труды и материалы, Казань, 12–15 октября 2015 года / Под общей редакцией К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. – С. 105-106.
22. Ильиш Б.А. История английского языка: [Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз.]. - 5-е изд., испр. и доп. - Москва : Высш. школа, 1968. - 419 с.
23. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
24. Карамова, А. А. Грамматические средства идеологичности политического дискурса / А. А. Карамова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2(48). – С. 143-148.
25. Карамова А.А., Силантьева В.М. Риторический вопрос и риторическое восклицание в современном политическом дискурсе // Инновационная наука. 2016. №3-3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritoricheskiy-vopros-i-ritoricheskoe-vosklitsanie-v-sovremennom-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 18.03.2022).
26. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5–19.
27. Киосе, М. И. Лингво-когнитивные аспекты аллюзии (на материале заголовков английских и русских журнальных статей) : специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Киосе Мария Ивановна. – Москва, 2002. – 281 с.
28. Крысько В.Г. Социальная психология: Курс лекций. – М.: Омега-Л, 2006. – 352 с.
29. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 2 / Под ред. И. С. Нарского. — М.: Мысль, 1985. — 560 с.
30. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
31. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. – Тверь, 1998. – 200 с.
32. Макаров М.Р. Основы теории дискурса. М., 2003
33. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. – 256 с.
34. Михалева О.Н. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ...канд. филол. наук. – Иркутск, 2004.
35. Негров Е. О. Официальный политический дискурс в современной России: стратегии развития // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, т. 5, № 4. СПб., 2009. – С. 105-114

36. Никишина, Т. И. Стилистические особенности текстов политического дискурса Франции XXI века / Т. И. Никишина // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : Материалы V-ой Международной научно-практической конференции , Ростов-на-Дону, 01 ноября – 30 2015 года. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Донское книжное издательство", 2015. – С. 178-184.
37. Никонова, Е. А. Синтаксические стилистические средства как основной инструмент создания модальности в политическом дискурсе (на примере аналитических статей) / Е. А. Никонова // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сборник научных трудов. – Москва : "КДУ", Университетская книга, 2018. – С. 435-439.
38. Норман Б. Ю. О креативной функции языка (на материале славянских языков) // Славяноведение. – 1997. № 4. – С. 26-33.
39. Парастаев Г. Н. Проблема манипуляции в американском политическом дискурсе (на примере публичных выступлений политических деятелей США) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. Вып. 3, 2011. С. 97-103.
40. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Саратов, 2005. – 325 с.
41. Плахотная Ю.И. Особенности употребления лексических единиц в диалогическом политическом дискурсе. // Вестник Челябинского государственного университета, № 32 (286), 2012. - С. 90-93.
42. Пустовар Е. А. Роль комического в политическом дискурсе (Электронный ресурс) // Лаборатория Информационно Психологических Технологий Александра Потеряхина, 2016. – Режим доступа: <http://labipt.com/comic-role-in-political-discourse/>. – Загл. с экрана (14.03.2016)
43. Пушкарева Г. В. Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс // Общественный науки и современность. Российский политический процесс, 2013. № 5. С. 90-100.
44. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
45. Русакова О. Ф., Ишменев Е. В. Критический дискурс-анализ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С. 36-48.
46. Русакова О. Ф., Максимов Д. А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 26-43
47. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. 1986. № 17. С. 170-194
48. Синельникова Л.Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2009. – Вып. 4. – С. 41-48.
49. Складаревская Г.Н. Метафора и сравнение:логические, семантические и структурные различия // Мир русского слова. – 2017. - № 4.- С. 9-17.
50. Стеклова Т.И. Речевой жанр обещания в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. - Новосибирский государственный университет. - Новосиб.: 2011. - С. 63-66.
51. Сурова М.Н. Метонимия в политическом дискурсе" Мир науки, культуры, образования, №4 (59). - 2016. - С. 246-248.

52. Сурова М.Н. "Эпитеты с положительной и отрицательной коннотацией в политическом дискурсе" *Современные исследования социальных проблем*, no. 3-№ 2 (27)- 2016. - С. 244-255.
53. Тетерин А.Е. Применение качественных методов в политологическом исследовании (на примере критического дискурс-анализа Н.Фэркло) // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 5. С. 145-150.
54. Трахтенберг А.Д. Возможен ли «демократический дискурс»? (к вопросу о дискурсивном анализе массовой коммуникации в современной политической науке) / предисл. к статье Н. Карпентье, Л. Ли, Я. Сервэ // *Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ*. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С. 58-66.
55. Тураева, З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // *Вопросы Языкознания*. – 1994. №3. – С. 105.
56. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод./ Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
57. Фомин И.В. "Нарративы о советском прошлом в дискурсе российской внепарламентской оппозиции (на примере текстов Алексея Навального)" *Политическая наука*, №4, 2020. - С. 221-245.
58. Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
59. Фуко М. Порядок дискурса. М., 1996а
60. Хурматуллин А.К. "Понятие дискурса в современной лингвистике" *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*, vol. 151, no. 6, 2009. - С. 31-37.
61. Чайковский Д. В. Манипулятивный дискурс как способ воспроизводства власти // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 185-188.83
62. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
63. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) (Электронный ресурс). Екатеринбург, 2001. – 238с. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#20>. – Загл. с экрана (19.01.2016).
64. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
65. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие – М.: Флинта : Наука, 2006. – 256 с.
66. Шакова Б. М. Различные подходы к исследованию политического дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 9 (27). 2013. Ч. 1. С. 195-197.
67. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008.
68. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Монография – Волгоград: Перемена, 2000 – 368 с.
69. Шейгал Е. И., Бакумова Е.В. Идеологема как средство идентификации политика// *Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы Всероссийской научной конференции (Пенза, 15-19 мая 2001 г.)*. – Пенза, 2001. – С. 193-230.
70. Шмелев Д. Н. Слово и образ / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1964. – 120 с.
71. Юдина, Т.В. Дискурсивное пространство политической речи / Т.В. Юдина // *Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/yu/yudina.shtml.*

72. Ярошевич, И. С. Аллюзия как средство реализации интертекстуальности в публичной политической коммуникации / И. С. Ярошевич // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2012. – № 15. – С. 117-122.
73. Adam, Jean-Michel. Elements de linguistique textuelle : theorie et pratique de l'analyse textuelle / Jean-Michel Adam Mardaga Liege 1990, P.31-47.
74. Achard, P. (1998). *La sociologie du langage*. Paris: Presses universitaires de France.
75. Atkison, J.M., Heritage J., *Studies in conservation analyse*. Cambridge, University Press, 1983.
76. Charaudeau P., Maingueneau D., 2002, *Dictionnaire d'analyse du discours*, Seuil, Paris.
77. Chilton P.A., Schaeffner C. *Discourse and politics*. // *Discourse Studies: A multidisciplinary introduction*. T.A. van Dijk (Ed.). – London, 1997. – Vol. 2: *Discourse as Social Interaction*. – P.206-230.
78. Claridge C., 2011. *Hyperbole in English. A CorpusBased Study of Exaggeration*. Cambridge : Cambridge University Press. 325 p
79. Crystal D. A. *A dictionary of Linguistics and Phonetics*. / David Crystal. – 6th ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. Vol. 6. 529 p.
80. Dictionnaire en ligne. Le Robert. URL : <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/discours> Дата обращения: 12.02.2022
81. Dorna, Alexandre. "Les effets langagiers du discours politique." *Hermes* (1995): 131-146.
82. Fairclough N., Wodak R. *Critical discourse analysis // Discourse as social interaction*. – London: Sage Publications, 1997. – P. 258-284.
83. Cheek J. *At the margins? Discourse analysis and qualitative research // Qualitative Health Research*. 2004. Vol. 14. No 8.
84. Graber D. *Political Languages // Handbook of Political Communication*. –Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. – P. 195-224.
85. Julien Perrez, François Randour et Min Reuchamps, « De l'uniformité du discours politique : analyse bibliométrique et linguistique de la catégorisation des discours politiques », *CogniTextes* [En ligne], Volume 19 | 2019, mis en ligne le 17 juin 2019, consulté le 18 mars 2022. URL : <http://journals.openedition.org/cognitextes/1337> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/cognitextes.1337>
86. López Díaz, Montserrat. (2014). L'euphémisme, la langue de bois et le politiquement correct : changements linguistiques et stratégies énonciatives. 143. 47-55
87. Mayaffre D., « Dire son identité politique », *Cahiers de la Méditerranée* [En ligne], 66 | 2003, mis en ligne le 21 juillet 2005, consulté le 17 mars 2022. URL : <http://journals.openedition.org/cdlm/119> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/cdlm.119>
88. Maingueneau D. *Analyser les textes de communication Texte imprime*. Dunod. 1998 – 280 c.
89. Molinié G. (1992), *Dictionnaire de rhétorique*, Paris, Librairie générale française.
90. Moody S., Zohreh R. Eslami. «Political Discourse, Code-Switching, and Ideology». *Russian Journal of Linguistics* 24, ed. 2, 2020 – 43.
91. Reed M. *The limits of discourse analysis in organizational analysis // Organization*. 2000. Vol. 7.
92. Rezaei, Sohrab, and Niloofar Nourali, 'Language and Power: The Use of Persuasive Techniques in Iran and U.S. President Speeches', *Journal of Language Teaching and Research*, 7.6 (2016), 1203 <https://doi.org/10.17507/jltr.0706.19>
93. Roulet E., "Une approche discursive de l'hétérogénéité discursive" in *ELA* n°83, 1991, c. 123.
94. Schepens P. *Catégories pour l'analyse du discours politique – Presses Universitaires de Franche-Comte*, 2006. – P. 103-166.

95. T. van Dijk. Discursive analyzes of news // A Handbook of qualitative methodologies for mass media research / Edited by K.Bruhn Jensen. L: Longman, 1999. Vol. 5. P. 32-37.
96. Van Dijk T.A. The Study of Discourse // Discourse as Structure and Process / Edited by Teun A. Van Dijk. – London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1997. – P. 1-35.
97. Talbot M. Media Discourse: Representation and Interaction (Media Topics). – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – p. 198.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПРИМЕРОВ

99. Навальный А.А. Борьба с коррупцией и есть моя экономическая программа [Электронный ресурс] // Livejournal, 2012. URL: <https://streetart-ekb.livejournal.com/325523.html> (Дата обращения: 11.03.22)
100. Навальный А.А. Речь на митинге 9 сентября на Болотной площади [Электронный ресурс] // The republic, 2013. URL: <https://republic.ru/posts/33895> (Дата обращения: 11.03.22)
101. Навальный А.А. О выборах. [Электронный ресурс] // Личная страница А.Н Facebook, 2017. URL: <https://www.facebook.com/navalny/posts/1685899734762436> (Дата обращения: 11.03.22)
102. Навальный А.А. Речь в ЕСПЧ [Электронный ресурс] // The insider, 2018. URL: <https://theins.ru/news/89052> (Дата обращения: 11.03.22)
103. Навальный А.А. Кандидаты, которым на нас плевать. [Электронный ресурс] // Сайт А.Н, 2018. URL: <https://navalny.com/p/5737/> (Дата обращения: 11.03.22)
104. Навальный А.А. Власти было важно доказать: вот смотрите, мы при Путине смогли самолёт сделать. [Электронный ресурс] // Мир тесен, 2019. URL: <https://sensay.mirtesen.ru/blog/43617173818/Vlasti-byilo-vazhno-dokazat:-vot-smotrite,-myi-pri-Putine-smogli> (Дата обращения: 11.03.22)
105. Навальный А.А., 08.08.19, Звери задрожали — в обморок упали. А ФБК не страшно. [Электронный ресурс] // Сайт А.Н, 2019. URL: <https://navalny.com/p/6186/> (Дата обращения: 11.03.22)
106. Навальный А.А. Бойкотирование выборов. [Электронный ресурс] // Личная страница А.Н Facebook, 2020. URL: <https://www.facebook.com/navalny/posts/3332051186813941> (Дата обращения: 11.03.22)
107. Навальный А.А. Итоги «голосования». А что делать дальше? [Электронный ресурс] // Сайт А.Н, 2020. URL: <https://navalny.com/p/6391/> (Дата обращения: 11.03.22)
108. Навальный А.А. Они — кучка преступников, временно облеченных властью [Электронный ресурс] // Сайт Киева, 2020. URL: <https://www.kyivcity.top/?p=6455> (Дата обращения: 28.03.22)
109. Навальный А.А. В историю он войдет как Владимир Отравитель трусов [Электронный ресурс] // Полит.ру, 2021. URL: <https://polit.ru/news/2021/02/02/volodimir/>
110. Навальный А.А. Оставайтесь свободными [Электронный ресурс] // Сайт А.Н, 2021. URL: <https://navalny.com/p/6463/> (Дата обращения: 28.03.22)
111. Навальный А.А. Россия должна быть не только свободной, но и счастливой [Электронный ресурс] // Медуза, 2021. URL: <https://meduza.io/feature/2021/02/20/rossiya-dolzha-byt-ne-tolko-svobodnoy-no-i-schastlivoy> (Дата обращения: 28.03.22)
112. Навальный А.А. Война коррупции. [Электронный ресурс] // Личная страница А.Н в Вконтакте, 2021. URL: https://vk.com/wall-25165175_244398 (Дата обращения: 28.03.22)
113. Навальный А.А. Ваш голый проворовавшийся король хочет править до конца. [Электронный ресурс] // Медуза, 2021. URL: <https://meduza.io/feature/2021/04/29/vash-golyu-provorovavshiysya-korol-hochet-pravit-do-kontsa> (Дата обращения: 28.03.22)
114. Навальный А.А., 23.09.21, Такой Мелкий Big Tech [Электронный ресурс] // Личная страница А.Н в Instagram, 2021. URL: https://www.instagram.com/p/CUKxgF5oq32/?utm_medium=copy_link (Дата обращения: 28.03.22)

115. Навальный А.А., 16.03.22, Война – произведение деспотизма [Электронный ресурс] // Спектр, 2022. URL: <https://spektr.press/vojna-proizvedenie-despotizma-aleksej-navalnyj-vystupil-v-sude-polnyj-tekst-poslednego-slova/> (Дата обращения: 28.03.22)